MUSIC - UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 12253154 4

ПОЕТ ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

M
1757
.18
V9P6
1987
c.1
MUSIC

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of Toronto

https://archive.org/details/31761122531544

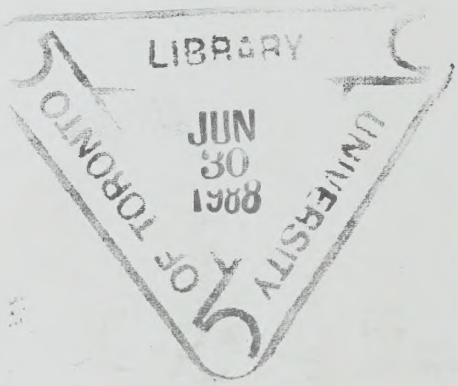
mus 00 - 8

Поет Владимир Высоцкий

Песни для голоса в сопровождении гитары

МОСКВА «МУЗЫКА» 1987

Составитель В. Рыжиков



П $\frac{5204010000-384}{026(01)-87}$ КБ—34—66—87

© Издательство «Музыка», 1987 г. Составление.
Вступительная статья.

К его песням можно относиться по-разному. Их можно любить и не любить. Можно принимать или отвергать. И долго спорить о них тоже можно.

Но одно я знаю наверняка: мимо песен Владимира Высоцкого нельзя пройти. И нельзя сделать вид, что их просто-напросто не существует. Сами песни не дадут этого сделать. Не дадут. Ибо они всегда заметны и невероятно слышимы. И слышимость эта с годами не уменьшается, а увеличивается.

Высоцкий писал очень личностные песни. Абсолютно свои. Можно даже сказать, что они от него неотрывны. И как от автора. И как от исполнителя. Эти песни были не только продолжением его дыхания. В них продолжалось и его сердцебиение, грохотал пульс, выявлялся характер, распахивалась душа.

В лучших песнях «непевческий» голос Высоцкого приобретал удивительную гибкость и глубину, а скромная гитара, порою, могла соперничать с мощью и многозвучностью большого оркестра.

В этом еще и еще раз убеждаешься, слушая то, что Высоцкий написал о войне. Вот, что он говорил, предваряя одно из своих выступлений: «Для меня война — огромное потрясение, поэтому я так много пишу о ней. После выхода первых своих пластинок я стал часто получать письма от разных людей... Спрашивают: «Не тот ли вы Владимир Высоцкий, с которым мы вместе выходили из окружения под Оршей?» Или, например: «Не воевали ли вы в таком-то батальоне на Первом Украинском? У меня там был друг, он похож на вас по голосу...»

Нет, Высоцкий, конечно, не мог воевать, — во время войны он был слишком маленьким. Но он рос, дышал и жил, дополняя детскую память взрослой памятью обожженной земли: памятью своих родных, вернувшихся с фронта, памятью того конкретного времени, общей памятью победившего народа.

И уже после, начав работу в песне, он постоянно возвращался в эту память, всё время проверял себя — выросшего — недавним грозовым прошлым. Проверял так, будто спрашивал: «А я бы смог?..» «А я бы не струсил?..» «Я бы выдержал?..»

Это было одновременно и творчеством, и становлением собственного характера. Ибо Высоцкий вживался не в какой-то заранее заданный «образ героя», а в реальную, невероятно трудную солдатскую профессию, в смертельные солдатские будни. И ощущал их всем своим существом, каждым нервом, каждой клеткой собственного тела.

Поэтому кажется даже, что свои военные песни, — (большинство из которых написано от первого лица), — он не сочинял, а вспоминал! Так много в них личного, пережитого. И так убедительны, так достоверны они по фактам, ситуациям, деталям, интонациям и самому ощущению тех, далеких, фронтовых дней и ночей.

...Нам и места в землянке хватало вполне,
нам и время текло для обоих...
Все теперь одному, только кажется мне,
это я не вернулся из боя...

...Вцепились они в высоту, как в свое.
Огонь минометный, шквальный.
Но снова мы лезли, хрипя, на нее —
за вспышкой ракеты сигнальной...

...Руки, ноги на месте ли, нет ли, —
как на свадьбе, росу пригубя,
землю тянем зубами за стебли —
на себя, на себя, на себя!..

В этих песнях, в этих строчках есть огромное напряжение и такая же огромная усталость. А еще есть постоянное преодоление. Преодоление себя. Преодоление всего того страшного, на что так щедры военные будни.

Герой военных песен Высоцкого — вовсе не чудо-богатырь и никакой не полубог. В сущности, он — самый обыкновенный, глубоко мирный человек. Но, когда речь заходит о том, быть или не быть его Родине, его стране, его Земле — удваиваются, утраиваются, удесятеряются силы этого человека, и воистину великим становится он! Великим и непобедимым.

А вернувшись с войны, этот человек — радостный, гордый, чуть бесшабашный — так никогда и не сможет, так никогда и не сумеет забыть прошлое, забыть, какой невероятной ценой досталась нам Победа.

Он будет помнить и жить. Будет жить и всё время ощущать на себе безмолвные и внимательные взгляды павших друзей. И от этого тоже очень нелегко придется человеку.

...У братских могил нет заплаканных вдов —
сюда ходят люди покрепче.
На братских могилах не ставят крестов,
но разве от этого легче...

Надо добавить, что несмотря на суровость и бескомпромиссность военной темы, почти все песни Высоцкого о войне были, прежде всего, лирическими песнями. Да, лирическими. Ибо они всегда обращались непосредственно к сердцу слушателя.

Впрочем, вот что говорил о жанровых критериях песни сам Высоцкий: «Я не понимаю, почему в лирической песне обязательно должны присутствовать ромашки, васильки, соловьи и прочее, почему песня о товариществе, взаимовыручке не подходит под этот критерий...»

Так он говорил, а следом за этими словами звучали его песни, звучал романтический и мужественный «высокогорный» цикл, волнами накатывались его распахнутые «морские» песни. И в каждой речь шла о дружбе, товариществе, о становлении человеческого характера.

И в каждой песне радовались и горевали, плакали и смеялись, а — главное — действовали люди, очень живые, невыдуманные и неповторимые люди! В песнях Высоцкого всегда что-то пульсировало, всегда что-то происходило.

И не просто «происходило», но и, при этом, обязательно перекликалось, пересекалось с самой жизнью, с многочисленными судьбами конкретных людей. Поэтому так «зацепляли» эти песни слушателей, так захватывали их, забирали сразу и накрепко.

Высоцкий умел быть не только серьезным, но и очень ироничным, даже гротесковым в своих песнях. И всё это было для него естественным, без всякой нарочитости.

Его песни излучали огромную силу. Но это была добрая сила. Она помогала выстоять слабым и обрести уверенность — растерявшимся. На такую песню можно было опереться, как на плечо.

А еще в его песнях была какая-то особая человеческая надежность. Люди слушали эти песни и знали, что с их автором можно пойти куда угодно: в разведку, в тундру, к полюсу, в космос...

Но прежде всего эти песни были наполнены правдой. Казалось даже, что и пел-то он не песню, а — правду. Правду крутых характеров, правду жизненных ситуаций — (то высоких, то нелепых), правду извечных человеческих проблем, правду боли и нежности, правду самого времени.

И получалось, что говорит и поет он то, что жаждут (и не умеют!) сказать самые обыкновенные люди. Поет не только о них, но еще и — за них. От их имени.

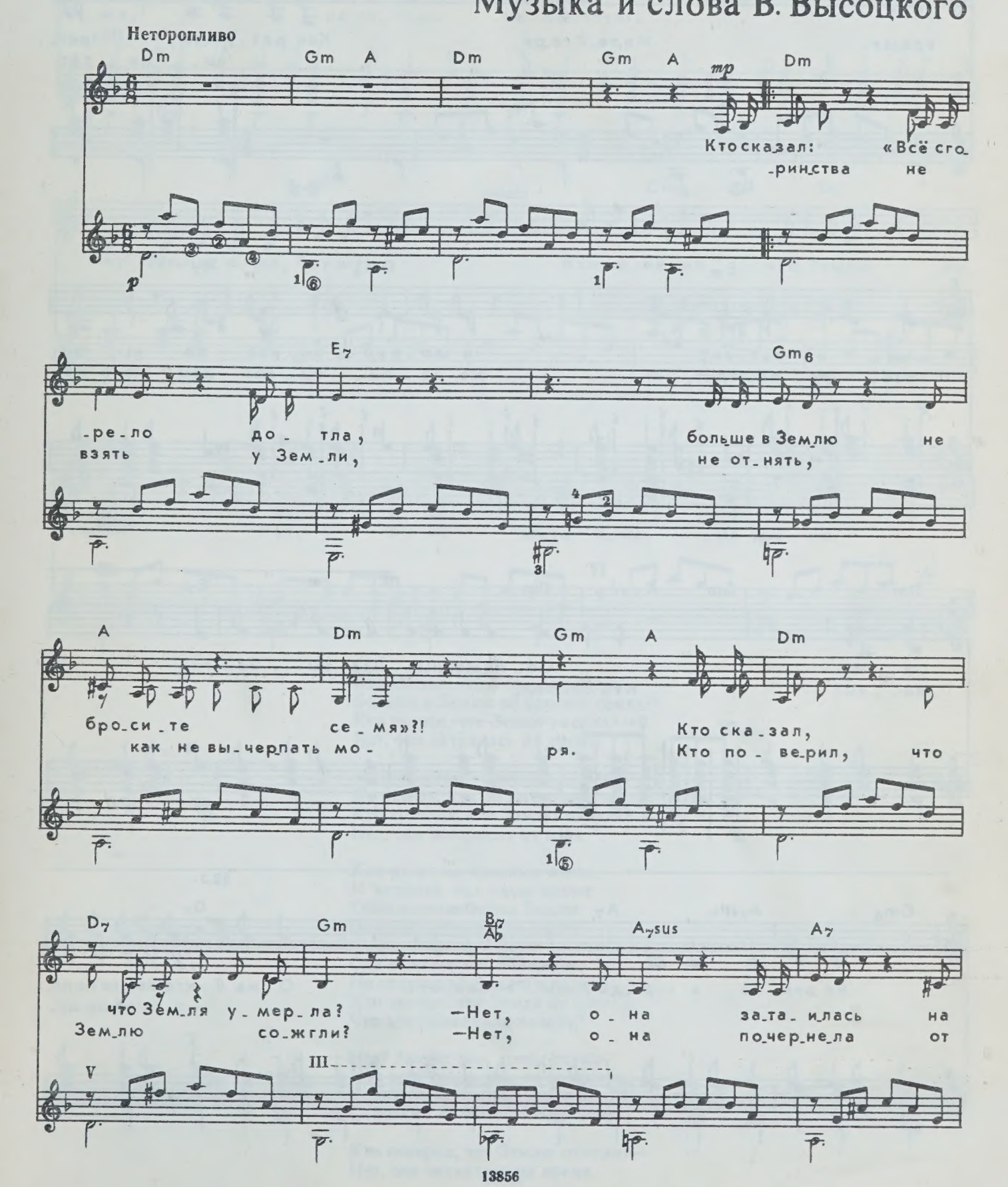
Поэтому он был так понятен людям и так дорог им. Поэтому они и называли его другом, безоговорочно считали своим певцом.

Впрочем, нет, не певцом. Это другие были певцами. А он был — Высоцким. Был человеком, который и сегодня помогает нам жить.

Роберт Рождественский

ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ

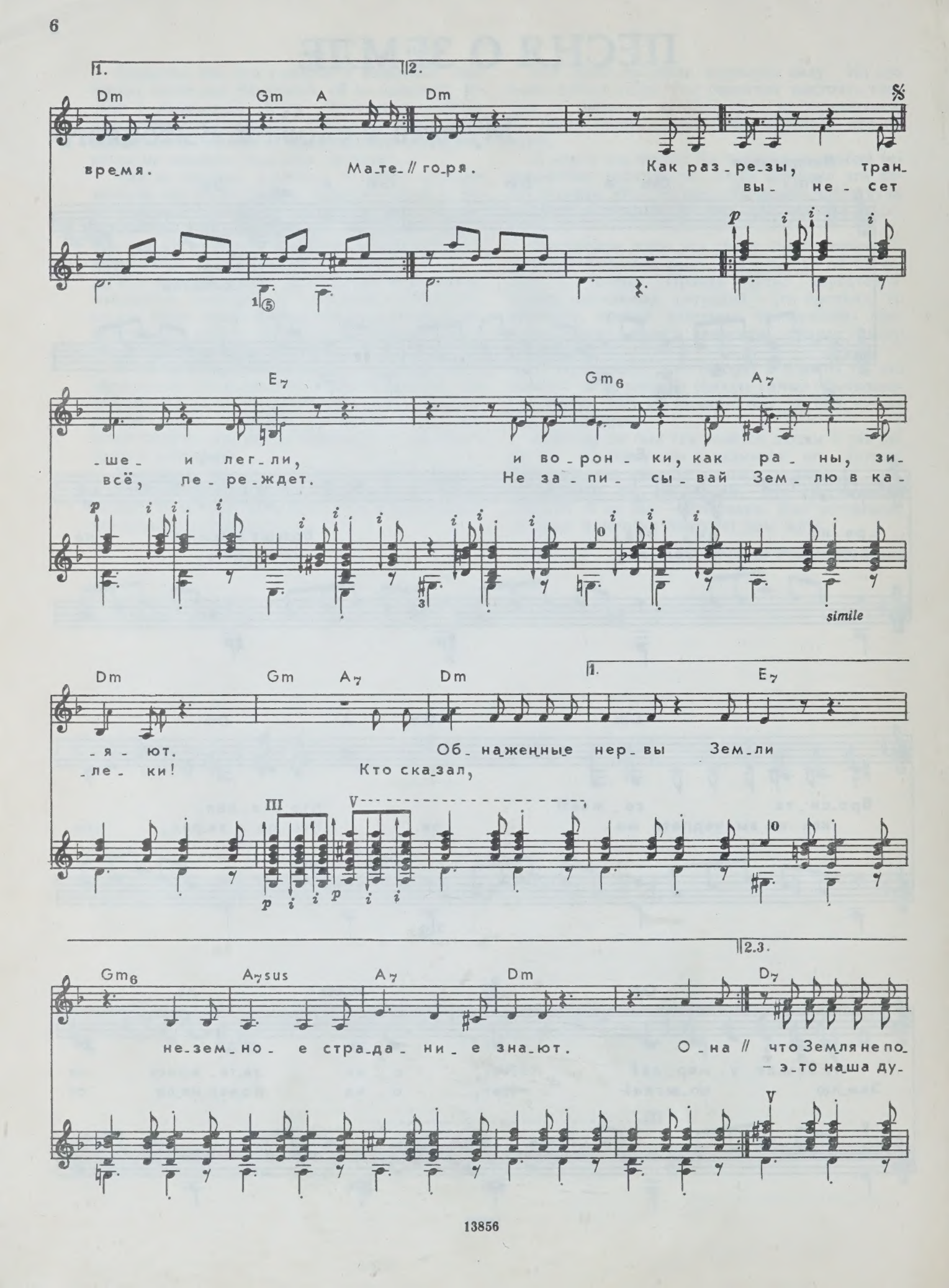
Музыка и слова В. Высоцкого



1. 2.

Dm Gm A Dm

время. Ма_те_// го_ря. Как раз_ре_зы, тран_
вы_ не_сет



p

E7 Gm6 A7

_ше_ и лег_ли, и во_рон_ки, как ра_ны, зи_
всё, пе_ре_ждет. Не за_пи_сы_вай Зем_лю в ка_

simile

Dm Gm A7 Dm 1. E7

_я_ ют. Об_на_жен_ные нер_вы Зем_ли
_ле_ ки! Кто ска_зал,

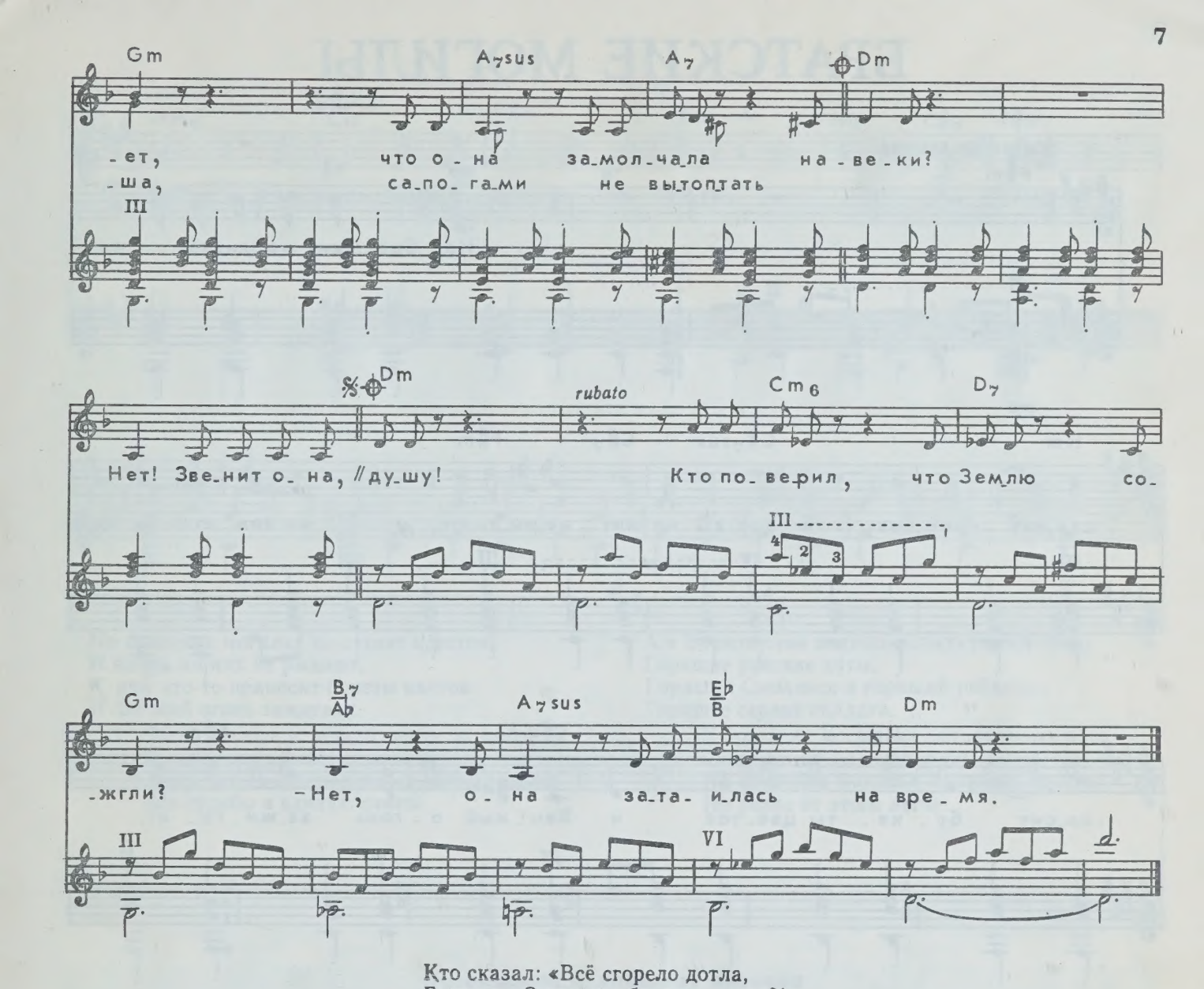
III V

p

Gm6 A7sus A7 Dm 2.3. D7

не_зем_но_ е стра_да_ ни_ е зна_ют. О_на // что Зем_ля не по_
_э_то на_ша ду_

V



Кто сказал: «Всё сгорело дотла,
Больше в Землю не бросите семя»?!
Кто сказал, что Земля умерла? —
Нет, она затаилась на время.

Материнства не взять у Земли,
Не отнять, как не вычерпать моря.
Кто поверил, что Землю сожгли? —
Нет, она почернела от горя.

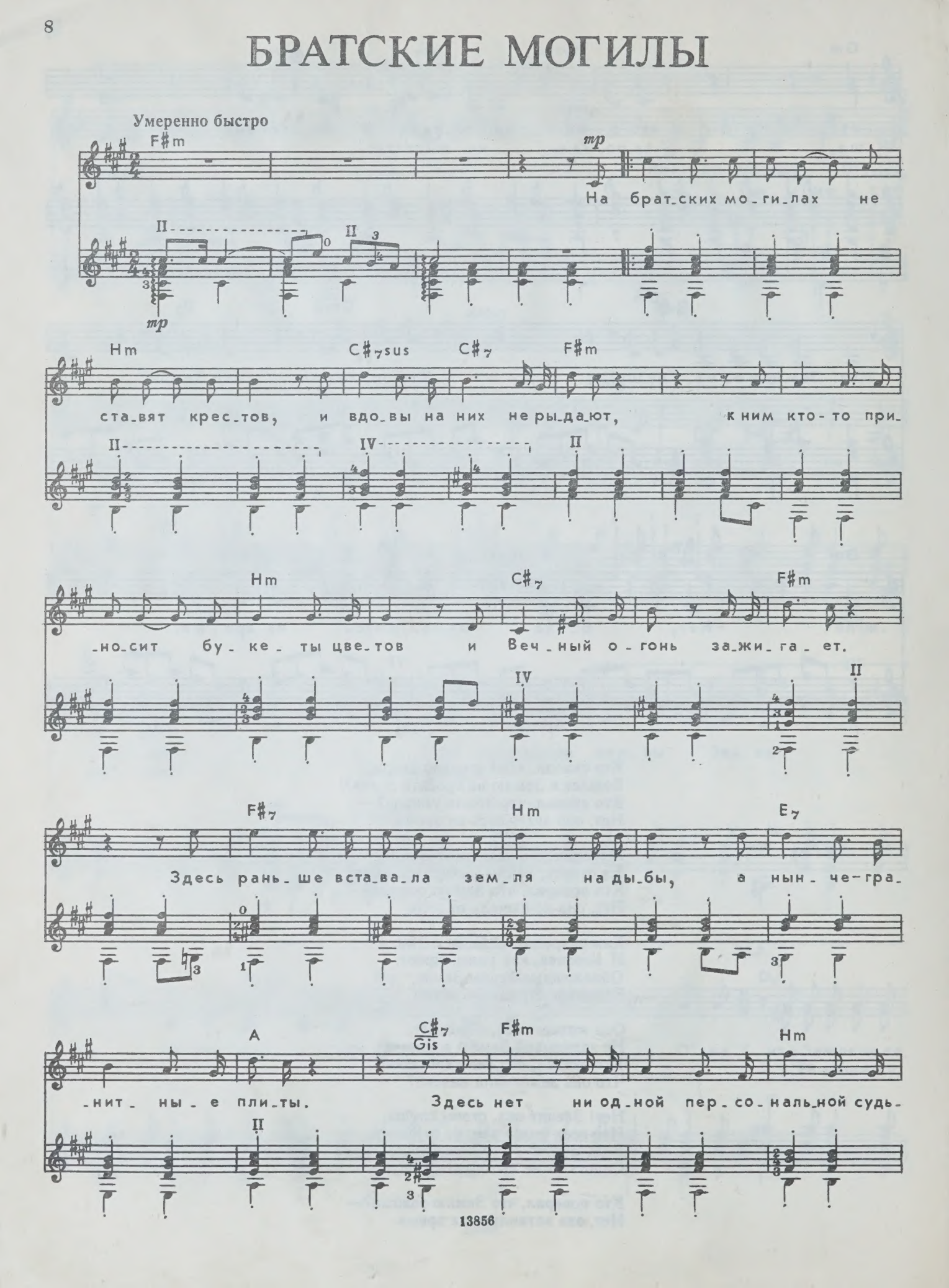
Как разрезы, траншеи легли,
И воронки, как раны, зияют.
Обнаженные нервы Земли
Неземное страдание знают.

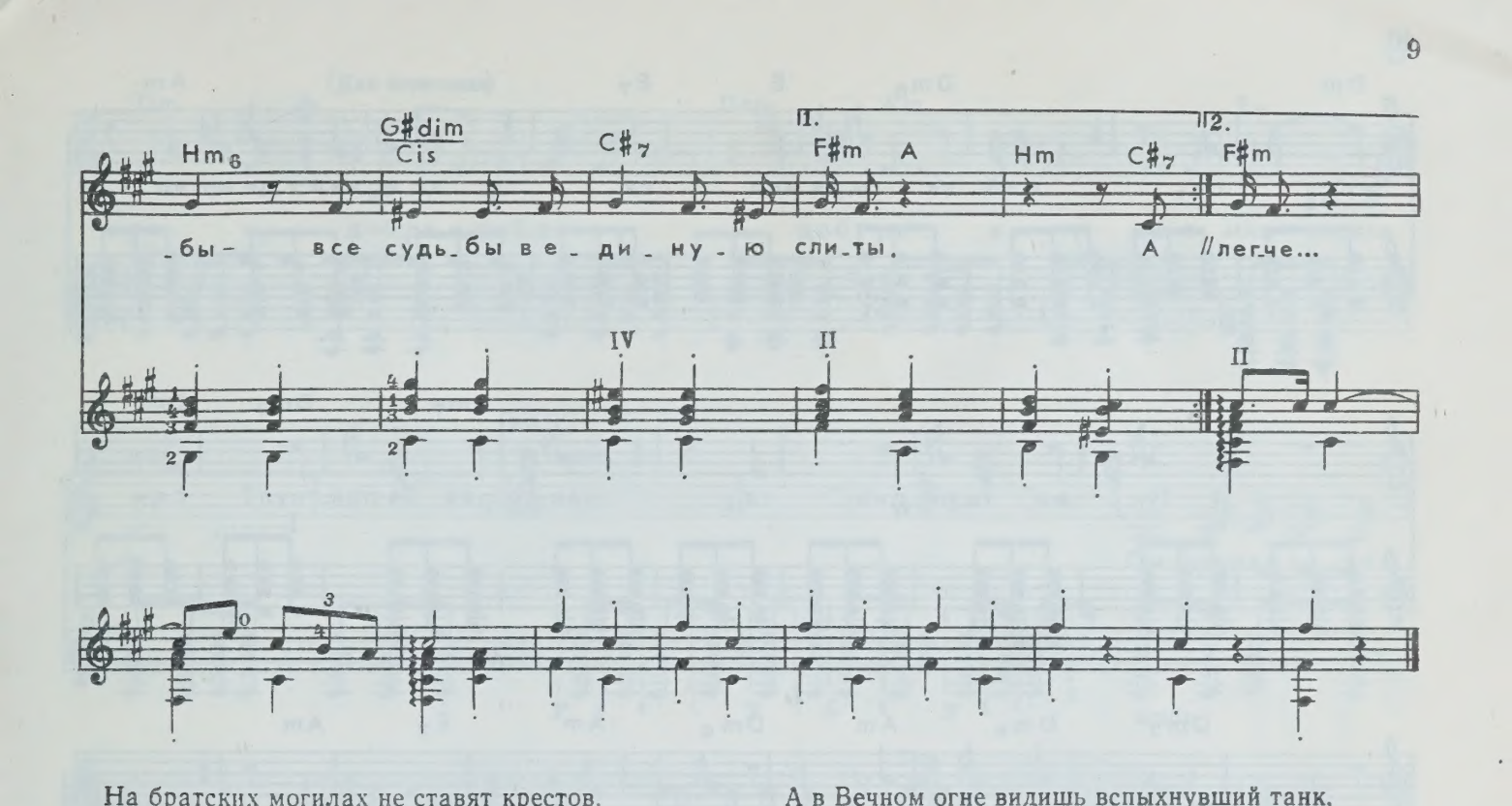
Она вынесет всё, переждет.
Не записывай Землю в калеки!
Кто сказал, что Земля не поет,
Что она замолчала навеки?

Нет! Звенит она, стоны глуша,
Изо всех своих ран, из отдушин.
Ведь Земля — это наша душа,
Сапогами не вытоптать душу!

Кто поверил, что Землю сожгли? —
Нет, она затаилась на время.

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ





На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают,
К ним кто-то приносит букеты цветов
И Вечный огонь зажигает.

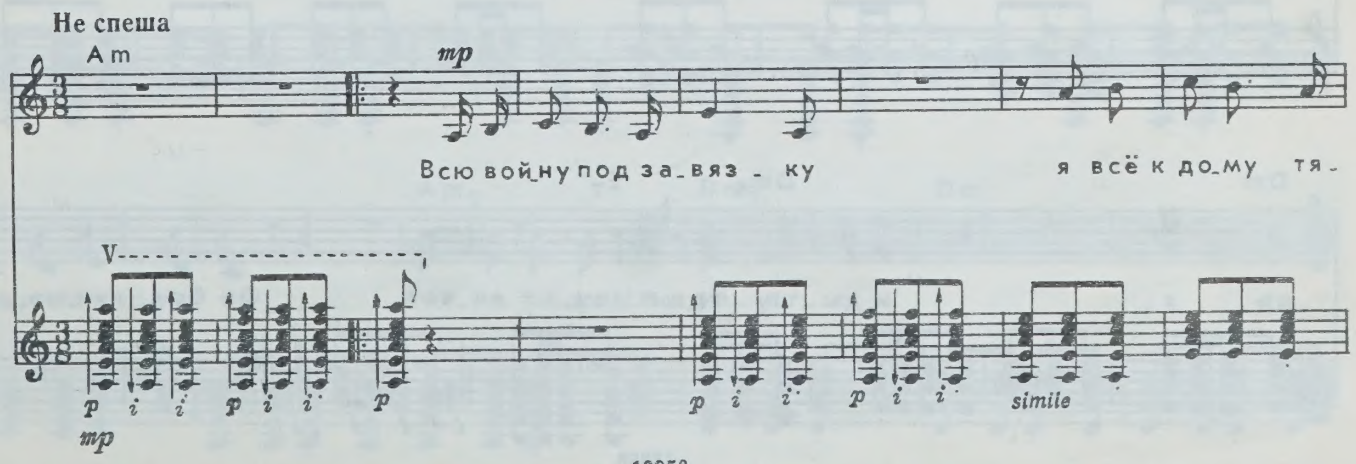
Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче — гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы —
Все судьбы в единую слиты.

А в Вечном огне видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.

У братских могил нет заплаканных вдов —
Сюда ходят люди покрепче.
На братских могилах не ставят крестов,
Но разве от этого легче...

Посвящается маршалу авиации дважды Герою Советского Союза Н. М. Скоморохову и его погибшему другу.

О ПОГИБШЕМ ДРУГЕ



13856

Dm Dm6 E E7 Am

-нул - ся, и хо - тя го-ря-чил - ся, во-е-вал де-ло-во.

Am7 Dm7 Dm

Ну а он то-ро-пил - ся, как-то раз не при-гнул - ся,—

Dm7 Dm6 Am Dm6 Am E7 Am

и в вой-не взад-вперед о-бер-нул - ся за два го-да — все-го ни-че-го. Не слы-

Dm Dm6 Am

-хать е-го пуль - са с сорок третьей вес-ны. Ну а я о-ку-

p p i i p p i i p p i i simile

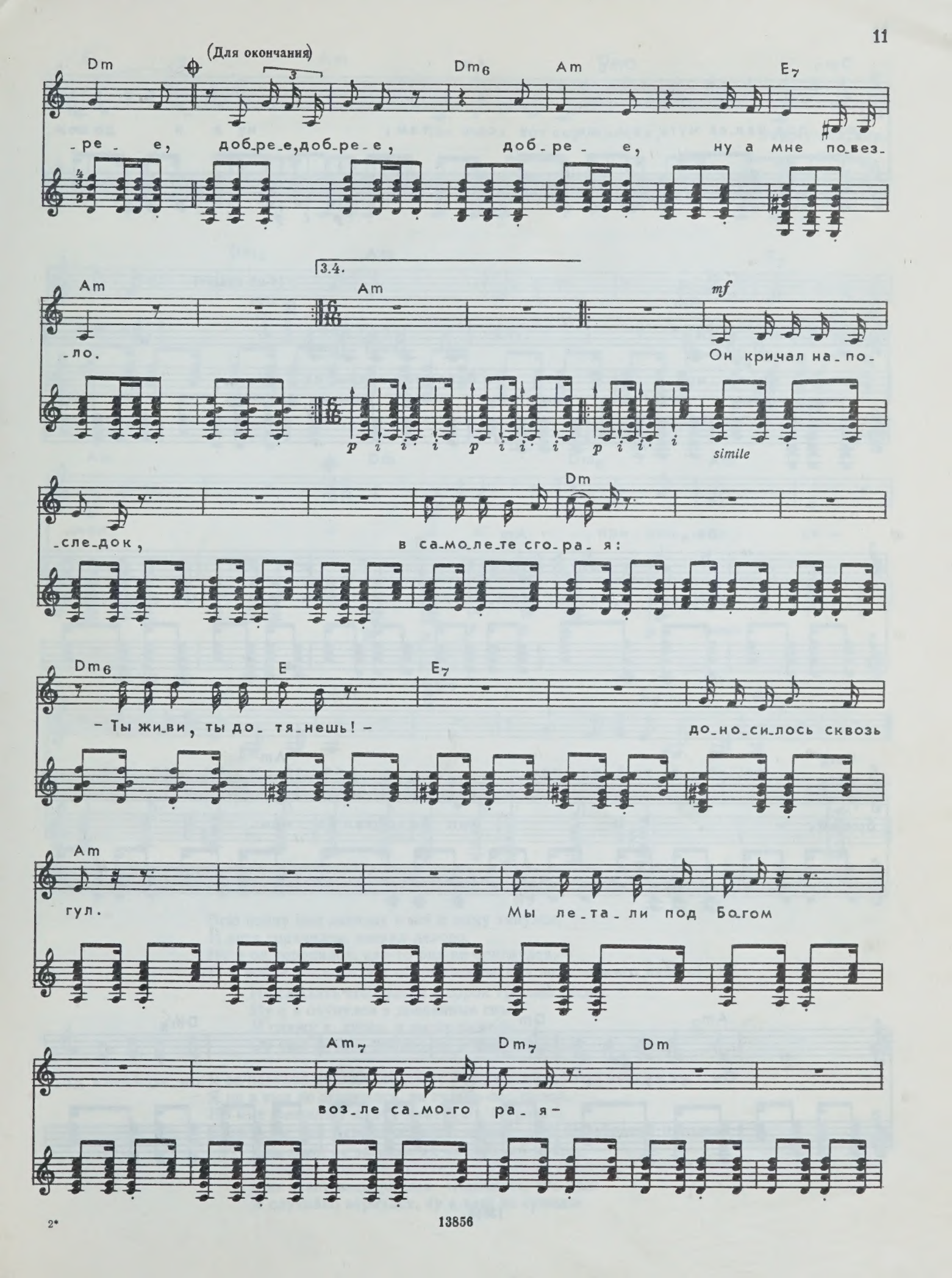
Dm6 Am Am7

-нул - ся в до-во-ен - ны-е сны. И гля-жу я, ду-

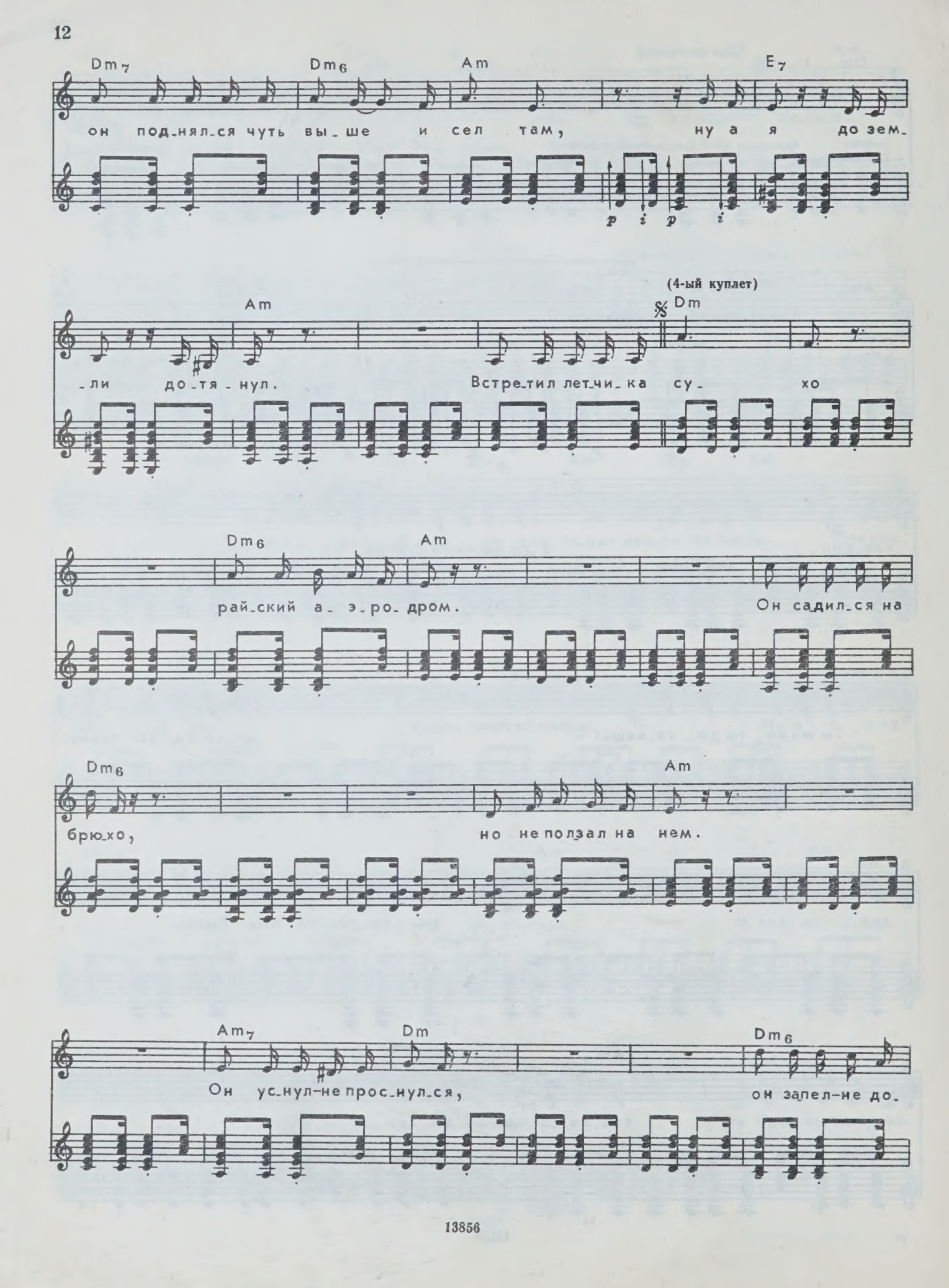
Dm Dm6 E7

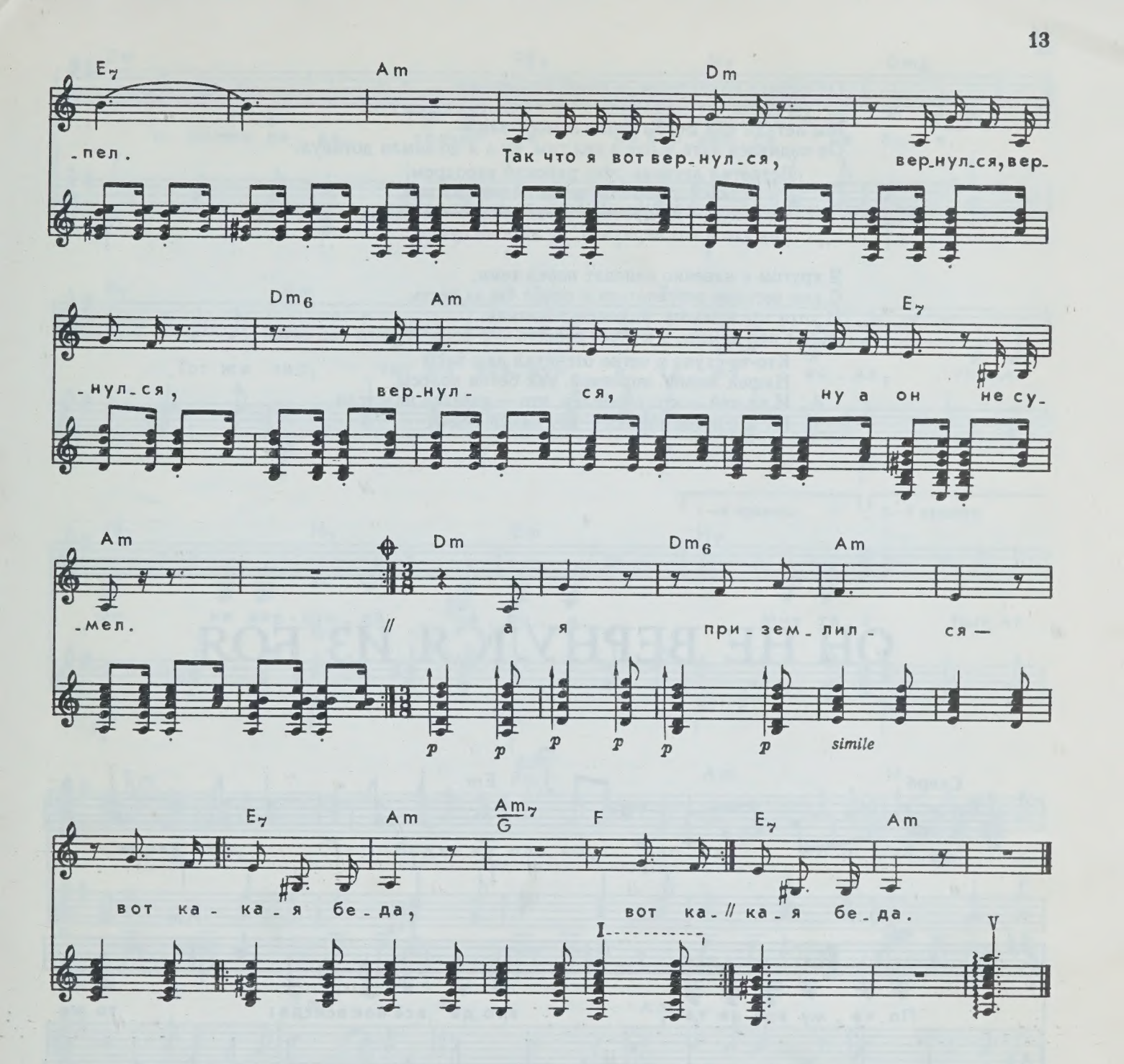
-ре - я, и ды-шу тя-же-ло... Он был луч-ше, доб-

i i i i


(Для окончания)
Dm
Dm6
Am
E7
-ре - е, доб-ре-е, доб-ре-е, доб-ре - е, ну а мне по-вез-
3.4.
Am
Am
mf
-ло.
Он кричал на-по-
p
simile
Dm
-сле-док, в са-мо-ле-те сго-ра - я:
Dm6
E
E7
- Ты жи-ви, ты до - тя-нешь! -
до-но-си-лось сквозь
Am
гул.
Мы ле-та - ли под Бо-гом
Am7
Dm7
Dm
воз-ле са-мо-го ра - я -

13856


Dm7
Dm6
Am
E7
он под-нял-ся чуть вы-ше и сел там, ну а я до зем-
p i p i
Am
-ли до-тя-нул.
(4-ый куплет)
Dm
Встре-тил лет-чи-ка су- хо
Dm6
Am
рай-ский а-э-ро-дром.
Он садил-ся на
Dm6
Am
брю-хо,
но не ползал на нем.
Am7
Dm
Dm6
Он ус-нул-не прос-нул-ся,
он запел-не до-



Всю войну под завязку я всё к дому тянулся,
И хотя горячился, воевал делово.
Ну а он торопился, как-то раз не пригнулся,—
И в войне взад-вперед обернулся за два года — всего ничего!

Не слыхать его пульса с сорок третьей весны.
Ну а я окунулся в довоенные сны.
И гляжу я, дурея, и дышу тяжело...
Он был лучше, добрее, ну а мне повезло.

Я за пазухой нé жил, нé пил с Господом чая,
Я ни в тыл не стремился, ни судьбе под подол,
Но мне женщины молча намекают, встречая:
Если б ты там навеки остался, может, мой бы обратно пришел.

Для меня не загадка их печальный вопрос —
Мне ведь тоже не сладко, что у них не сбылось.
Мне ответ подвернулся: «Извините, что цел!
Я случайно вернулся, ну а ваш не сумел.»

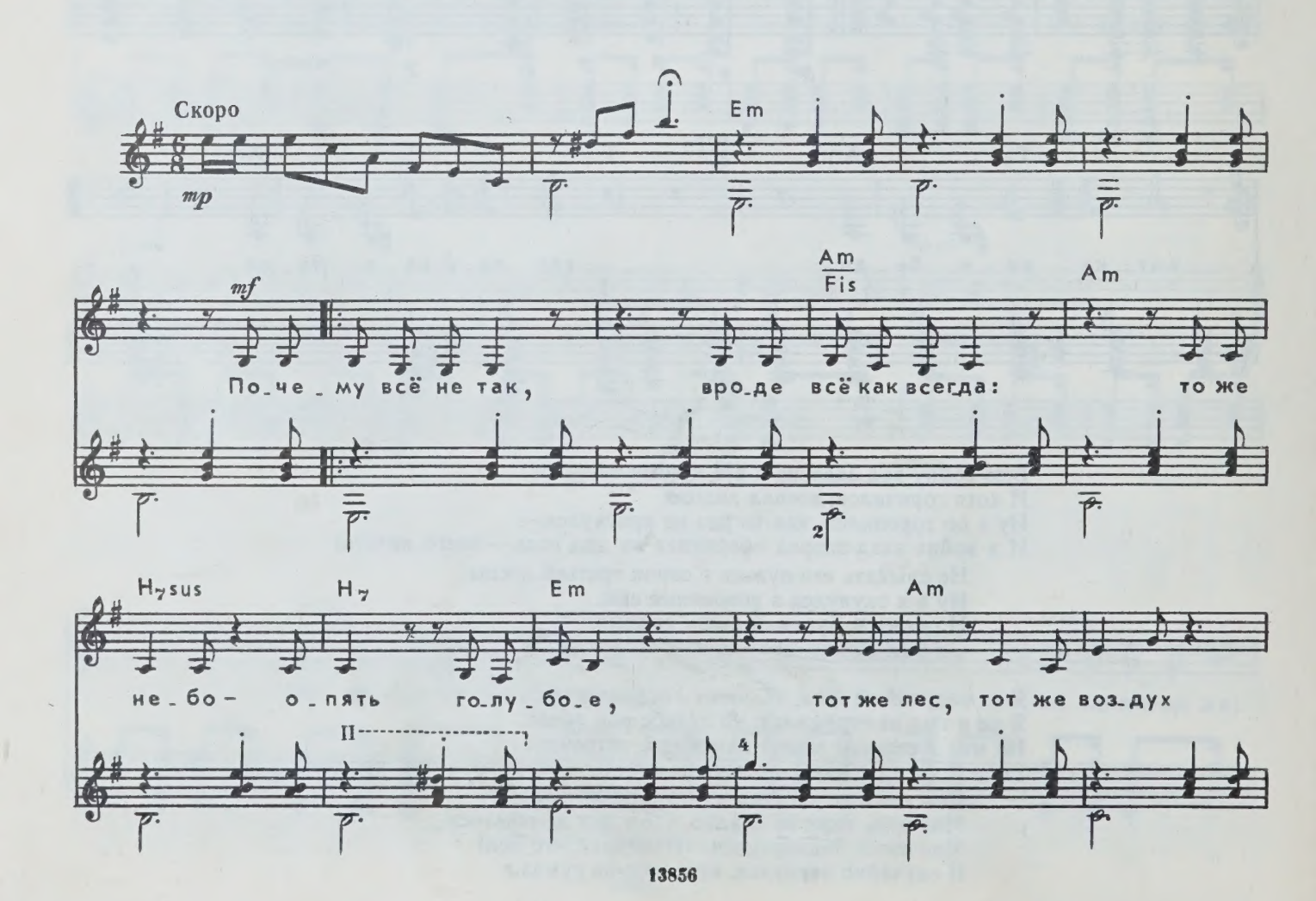
Он кричал напоследок, в самолете сгорая:
— Ты живи, ты дотянешь! — доносилось сквозь гул.
Мы летали под Богом возле самого рая —
Он поднялся чуть выше и сел там, ну а я до земли дотянул.

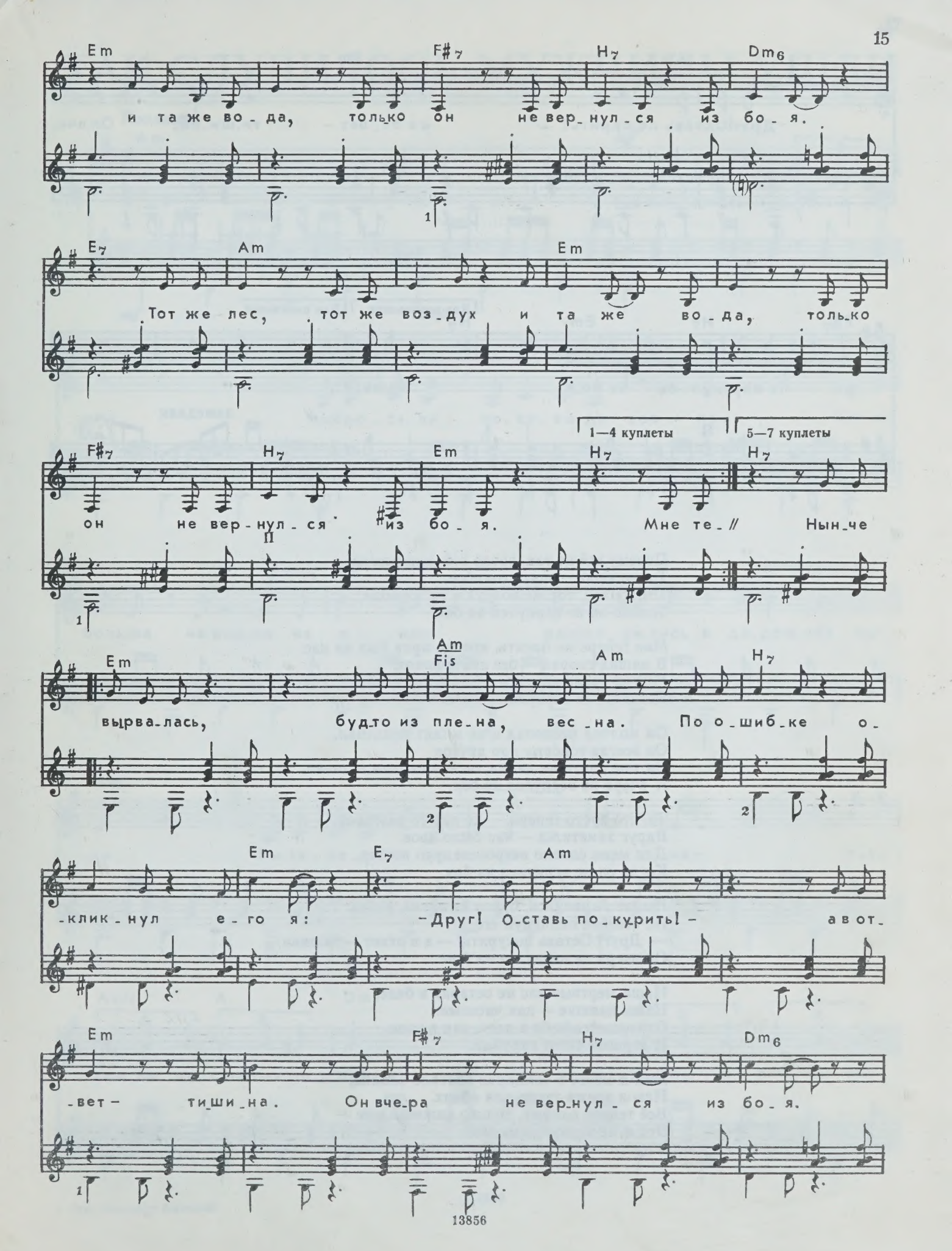
Встретил летчика сухо райский аэродром.
Он садился на брюхо, но не ползал на нем.
Он уснул — не проснулся, он запел — не допел.
Так что я вот вернулся, ну а он не сумел.

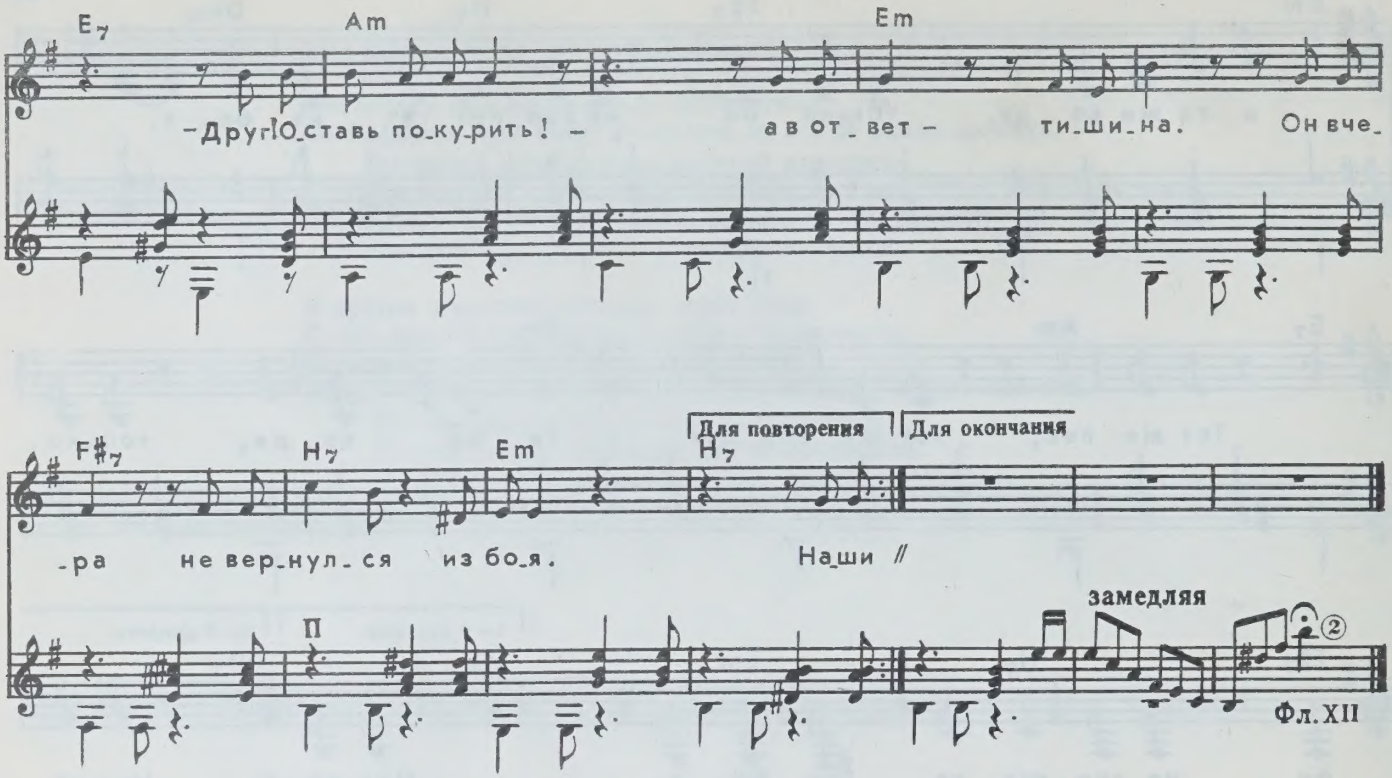
Я кругом и навечно виноват перед теми,
С кем сегодня встречаться я почёл бы за честь.
И хотя мы живыми до конца долетели,
Жжет нас память и мучает совесть — у кого? У кого она есть.

Кто-то скупо и четко отсчитал нам часы
Нашей жизни, короткой, как бетон полосы.
И на ней — кто разбился, кто — взлетел навсегда...
Ну а я приземлился — вот какая беда.

ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ




Em F#7 H7 Dm6
и та же во_да, только он не вер_нул_ся из бо_я.
E7 Am Em
Тот же лес, тот же воз_дух и та же во_да, толь_ко
1—4 куплеты
5—7 куплеты
F#7 H7 Em H7 H7
он не вер_нул_ся из бо_я. Мне те_// Нын_че
Em Am Fis Am H7
вырва_лась, будто из пле_на, вес_на. По о_шиб_ке о_
Em E7 Am
_клик_нул е_го я: -Друг! О_ставь по_курить! - а вот_
Em F#7 H7 Dm6
вет ти_ши_на. Он вче_ра не вер_нул_ся из бо_я.



Почему всё не так, вроде всё как всегда:
То же небо — опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
Только он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах — без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас,
Когда он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал,
А вчера не вернулся из боя.

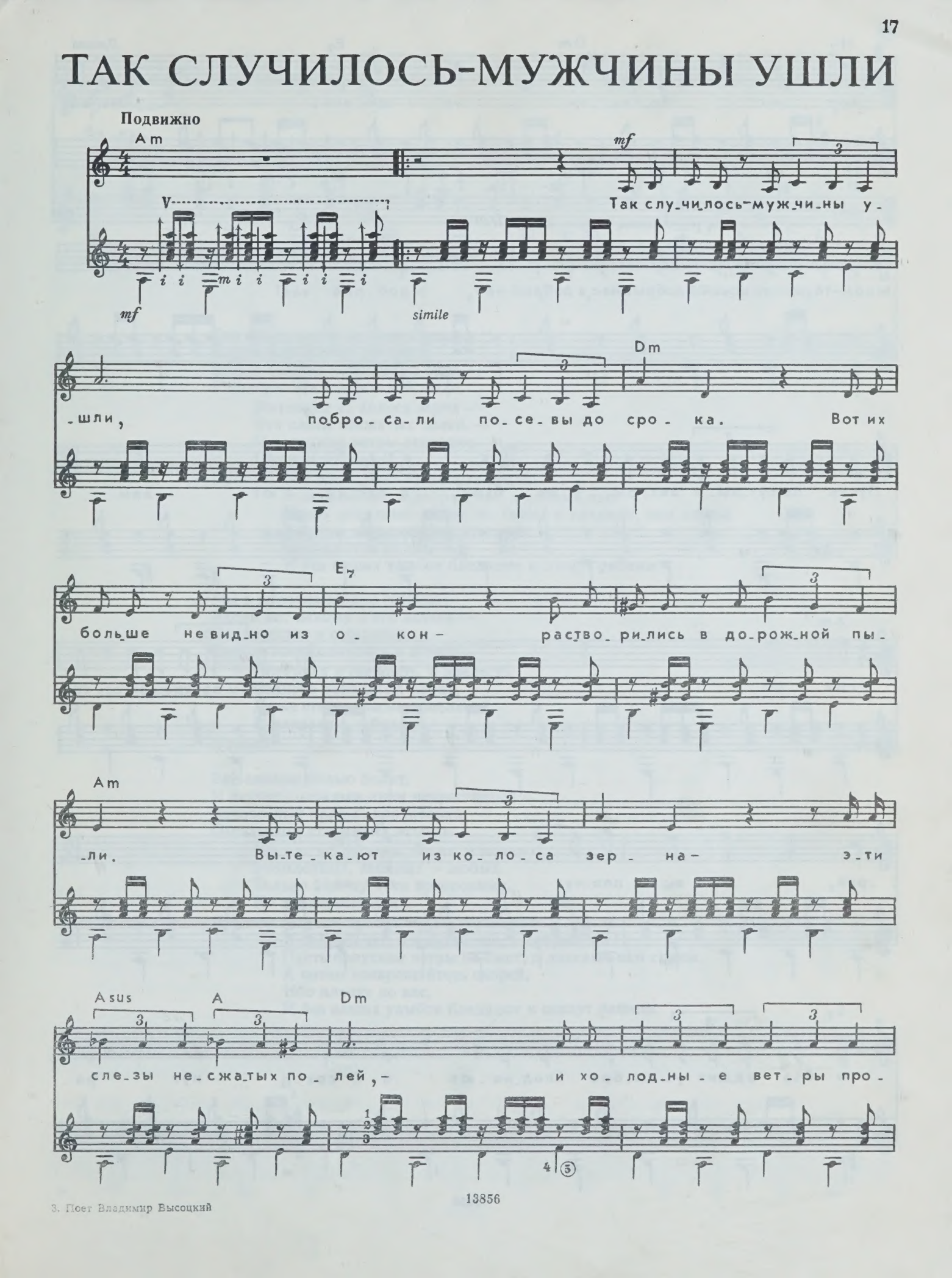
То, что пусто теперь, — не про то разговор,
Вдруг заметил я — нас было двое.
Для меня словно ветром задуло костер,
Когда он не вернулся из боя.

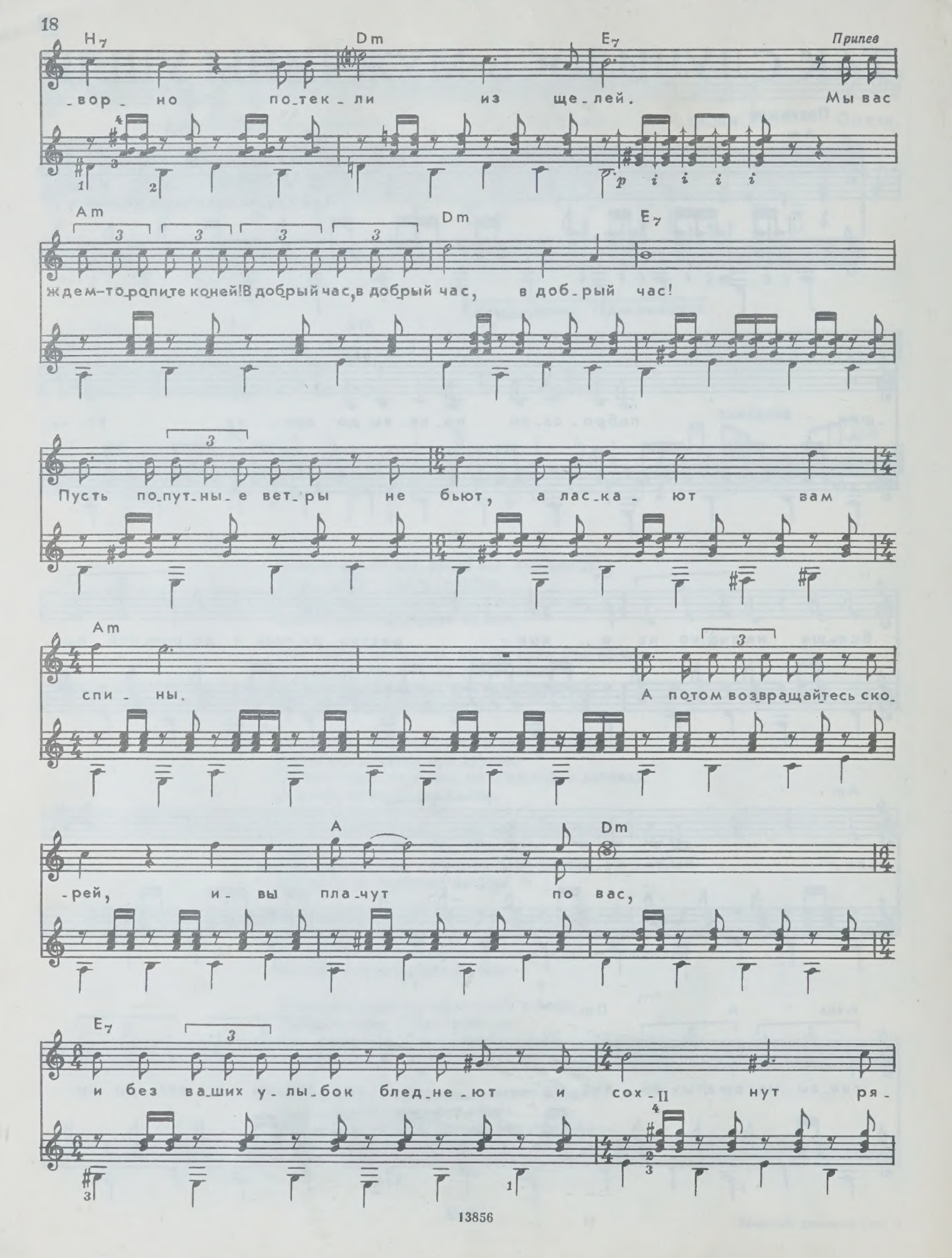
Нынче вырвалась, будто из плена, весна.
По ошибке окликнул его я:
— Друг! Оставь покурить! — а в ответ — тишина.
Он вчера не вернулся из боя.

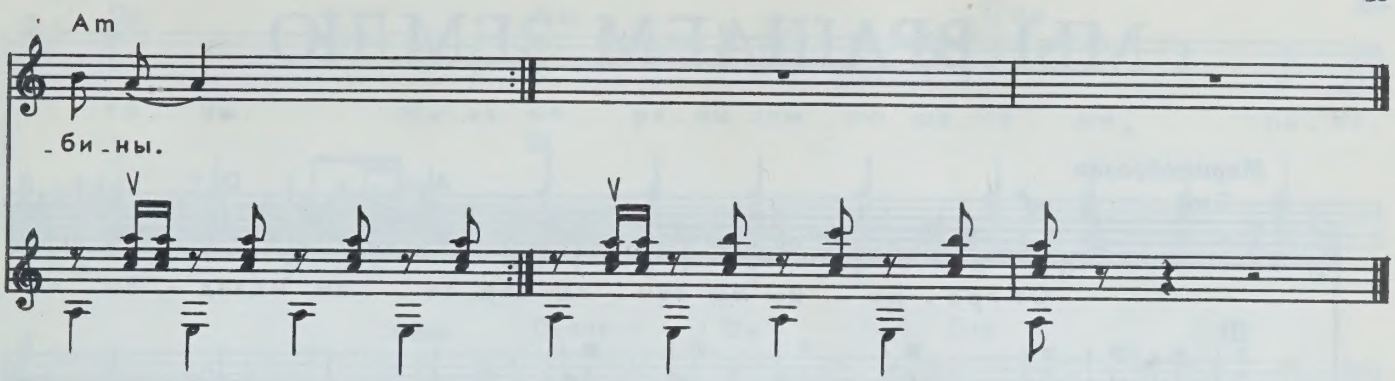
Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые.
Отражается небо в лесу, как в воде,
И деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло для обоих.
Всё теперь одному, только кажется мне —
Это я не вернулся из боя.

ТАК СЛУЧИЛОСЬ-МУЖЧИНЫ УШЛИ




Припев
H7 Dm E7
-вор- но по-тек-ли из ще-лей. Мы вас
p i i i i
Am Dm E7
ждем-то-ропите коней! В добрый час, в добрый час, в доб-рый час!
Пусть по-пут-ны-е вет-ры не бьют, а лас-ка-ют вам
Am
спи-ны. А по-том воз-вра-щай-тесь ско-
A Dm
-рей, и-вы пла-чут по вас,
E7
и без ва-ших у-лы-бок блед-не-ют и сох-нут ря-
II



Так случилось — мужчины ушли,
Побросали посевы до срока.
Вот их больше не видно из окон —
Растворились в дорожной пыли.

Вытекают из колоса зерна —
Эти слезы несжатых полей, —
И холодные ветры проворно
Потекли из щелей.

Припев: Мы вас ждем — торопите коней!
В добрый час, в добрый час, в добрый час!
Пусть попутные ветры не бьют, а ласкают вам спины.
А потом возвращайтесь скорей,
Ивы плачут по вас,
И без ваших улыбок бледнеют и сохнут рябины.

Мы в высоких живем теремах,
Входа нет никому в эти зданья —
Одиночество и ожиданье
Вместо вас поселились в домах.

Потеряла и свежесть, и прелесть
Белизна ненадетых рубах,
Даже старые песни приелись
И навязли в зубах.

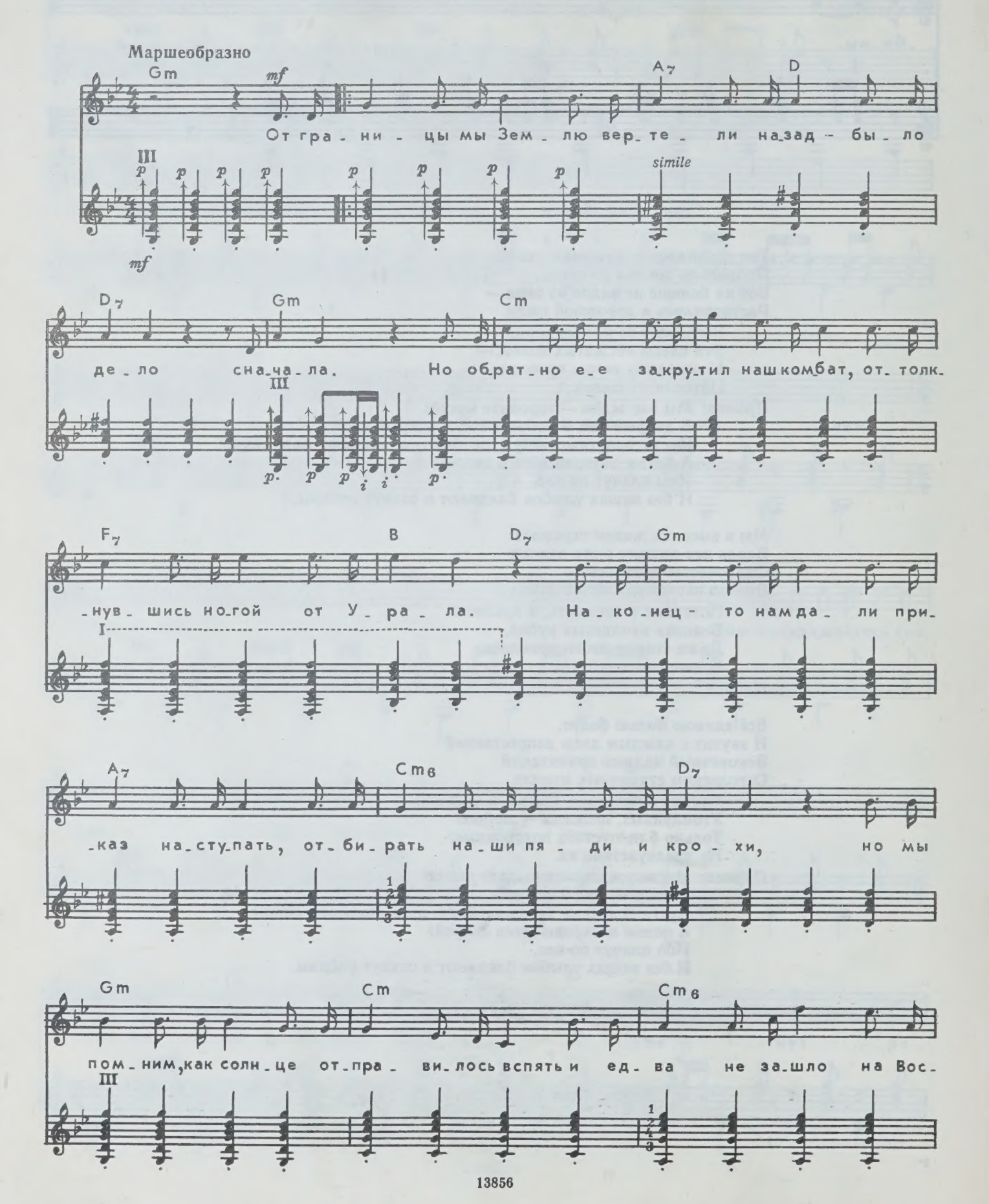
Припев

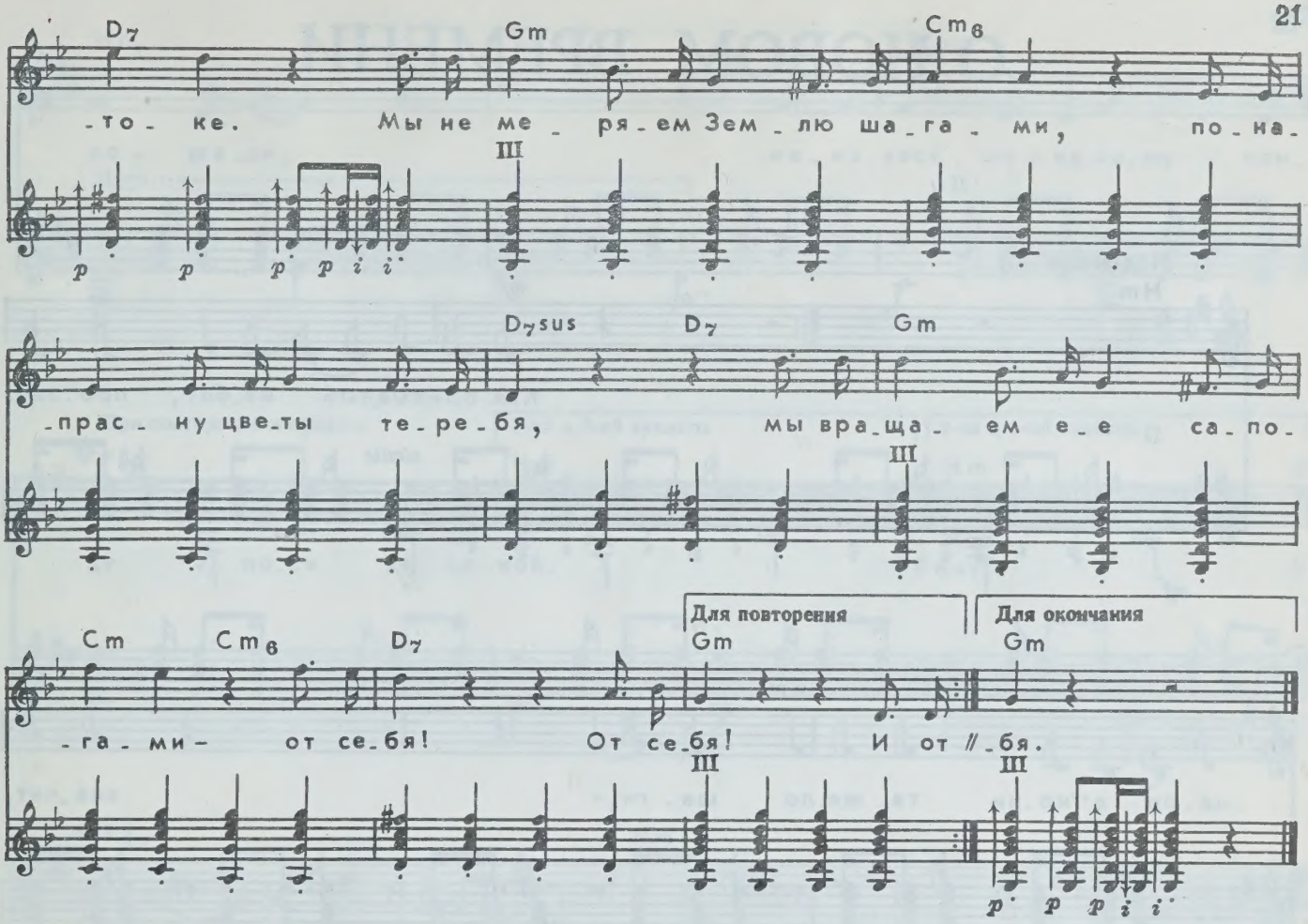
Всё единою болью болит,
И звучит с каждым днем непрестанней
Вековечный надрыв причитаний
Отголоском старинных молитв.

Мы вас встретим и пеших, и конных,
Утомленных, нецелых — любых.
Только б не пустота похоронных,
Не предчувствие их.

Припев: Мы вас ждем — торопите коней!
В добрый час, в добрый час, в добрый час!
Пусть попутные ветры не бьют, а ласкают вам спины.
А потом возвращайтесь скорей,
Ибо плачут по вас,
И без ваших улыбок бледнеют и сохнут рябины.

МЫ ВРАЩАЕМ ЗЕМЛЮ





От границы мы Землю вертели назад —
Было дело сначала.
Но обратно ее закрутил наш комбат,
Оттолкнувшись ногой от Урала.

Наконец-то нам дали приказ наступать,
Отбирать наши пяди и крохи,
Но мы помним, как солнце отправилось вспять
И едва не зашло на Востоке.

Мы не меряем Землю шагами,
Понапрасну цветы теребя,
Мы вращаем ее сапогами —
От себя! От себя.

И от ветра с Востока пригнулись стога,
Жмется к скалам отара.
Ось земную мы сдвинули без рычага,
Изменив направленье удара.

Не пугайтесь, когда не на месте закат,
Судный день — это сказки для старших,
Просто Землю вращают, куда захотят,
Наши сменные роты на марше.

Мы ползем, бугорки обнимая,
Кочки тискаем зло, не любя,
И коленями Землю толкаем —
От себя! От себя.

Не отыщет средь нас и Особый отдел
Руки кверху поднявших.
Всем живым — ощутимая польза от тел:
Как прикрытье используем павших.

Этот глупый свинец всех ли сразу найдет,
Где настигнет — в упор или с тыла?
Кто-то там впереди навалился на дот, —
И Земля на мгновенье застыла.

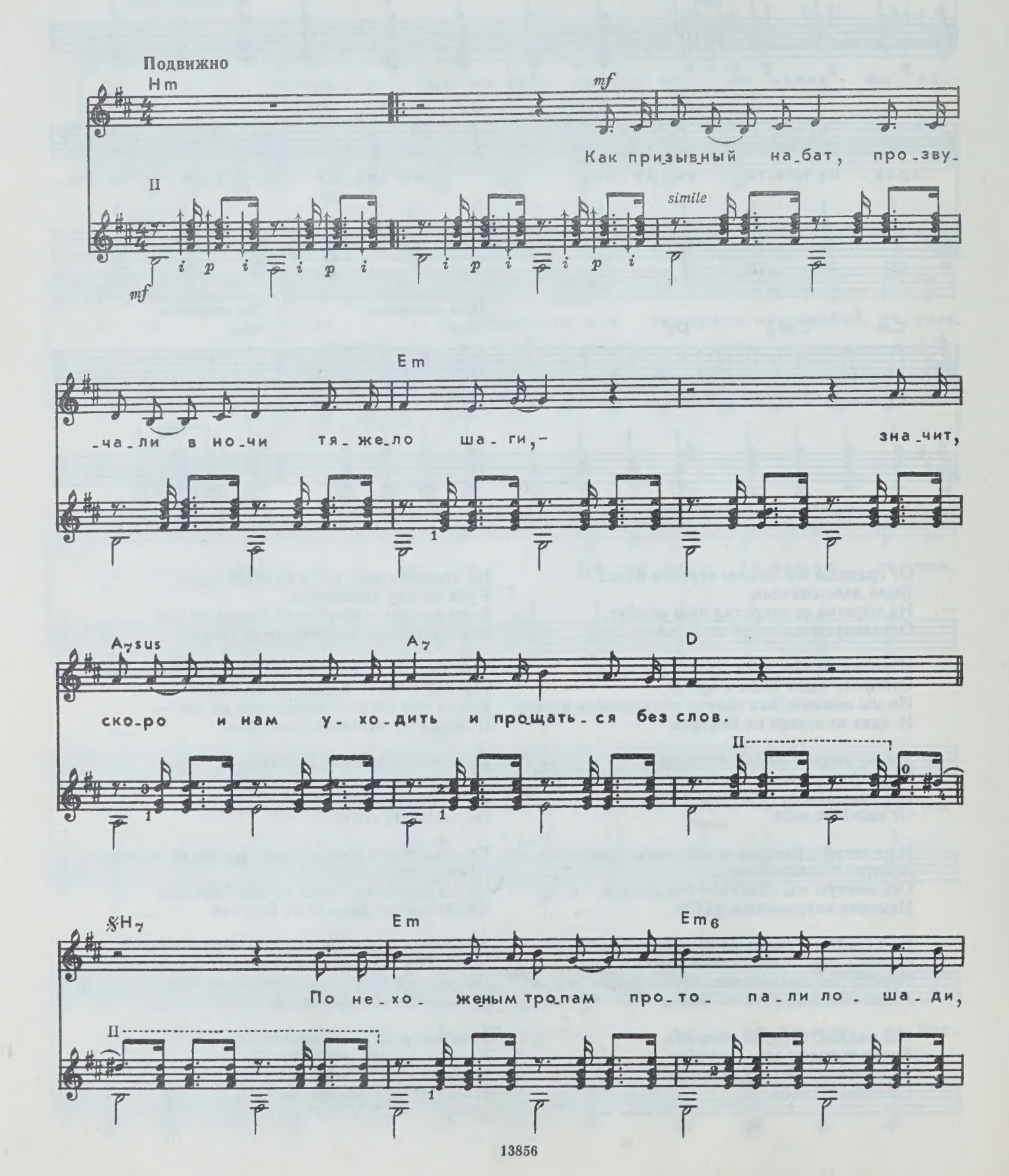
Я ступни свои сзади оставил,
Мимоходом по мертвым скорбя.
Шар земной я вращаю локтями —
На себя! На себя.

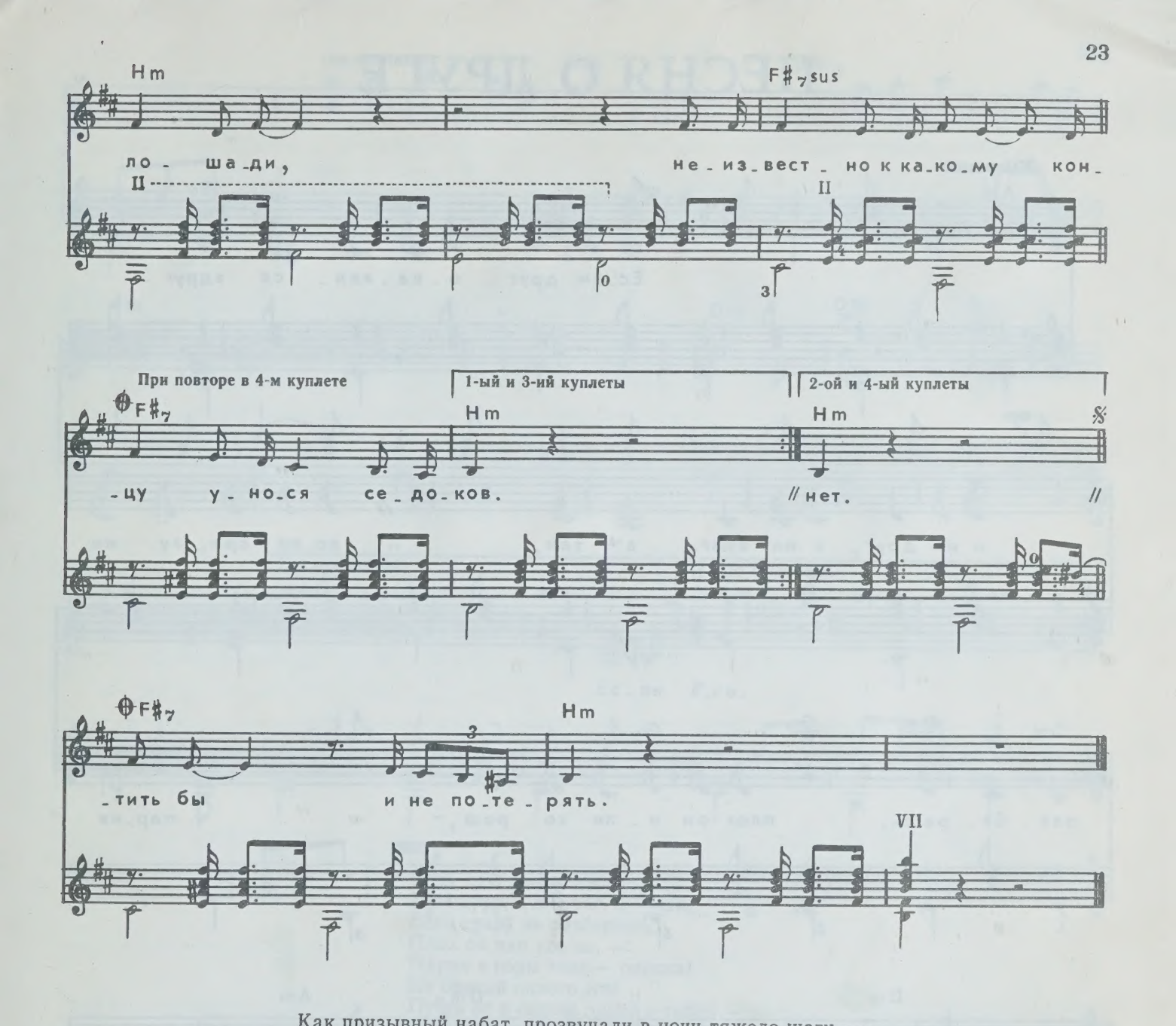
Кто-то встал в полный рост и, отвесив поклон,
Принял пулю на вдохе.
Но на Запад, на Запад ползет батальон,
Чтобы солнце взошло на Востоке.

Животом — по грязи, дышим смрадом болот,
Но глаза закрываем на запах.
Нынче пó небу солнце нормально идет,
Потому что мы рвемся на Запад!

Руки, ноги на месте ли, нет ли, —
Как на свадьбе, росу пригубя,
Землю тянем зубами за стебли —
На себя! На себя.

О НОВОМ ВРЕМЕНИ





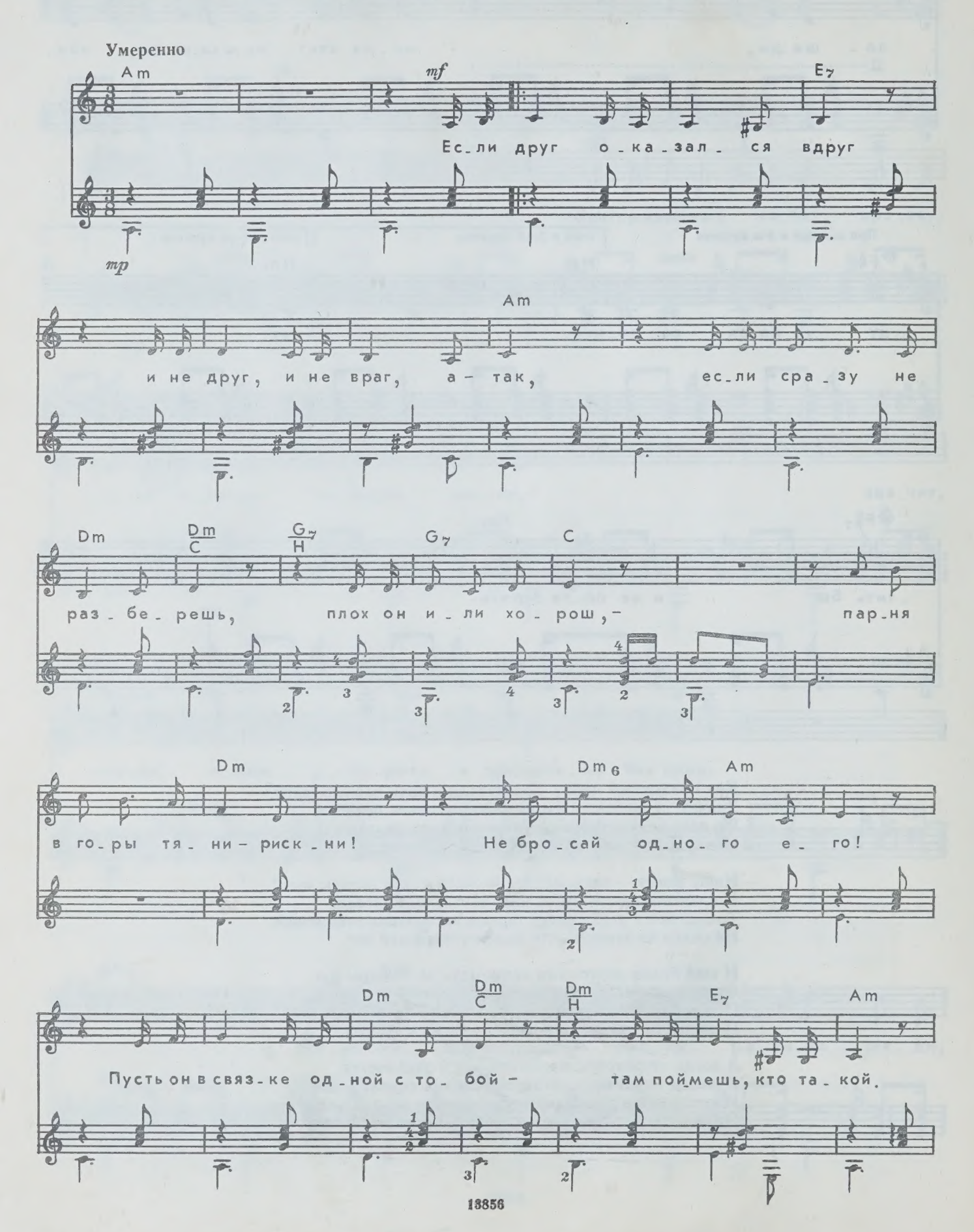
Как призывный набат, прозвучали в ночи тяжело шаги, —
Значит, скоро и нам уходить и прощаться без слов.
По нехоженым тропам протопали лошади, лошади,
Неизвестно к какому концу унося седоков.

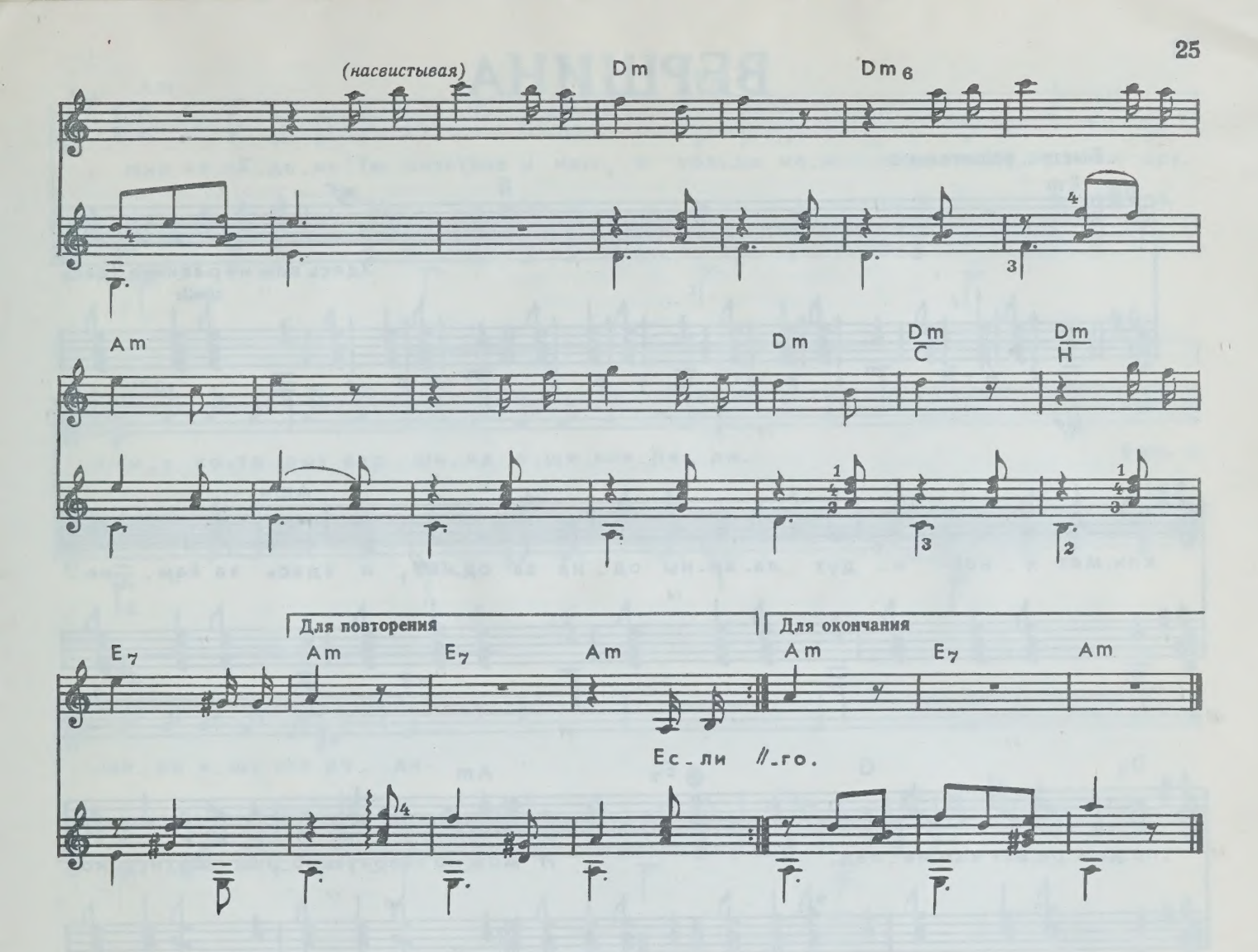
Наше время — иное, лихое, но счастье, как встарь, ищи!
И в погоню летим мы за ним, убегающим, вслед.
Только вот в этой скачке теряем мы лучших товарищей,
На скаку не заметив, что рядом товарищей нет.

И еще будем долго огни принимать за пожары мы,
Будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов,
Про войну будут детские игры с названьями старыми,
И людей будем долго делить на своих и врагов.

А когда отгрохочет, когда отгорит и отплачется,
И когда наши кони устанут под нами скакать,
И когда наши девушки сменят шинели на платьица, —
Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять.

ПЕСНЯ О ДРУГЕ



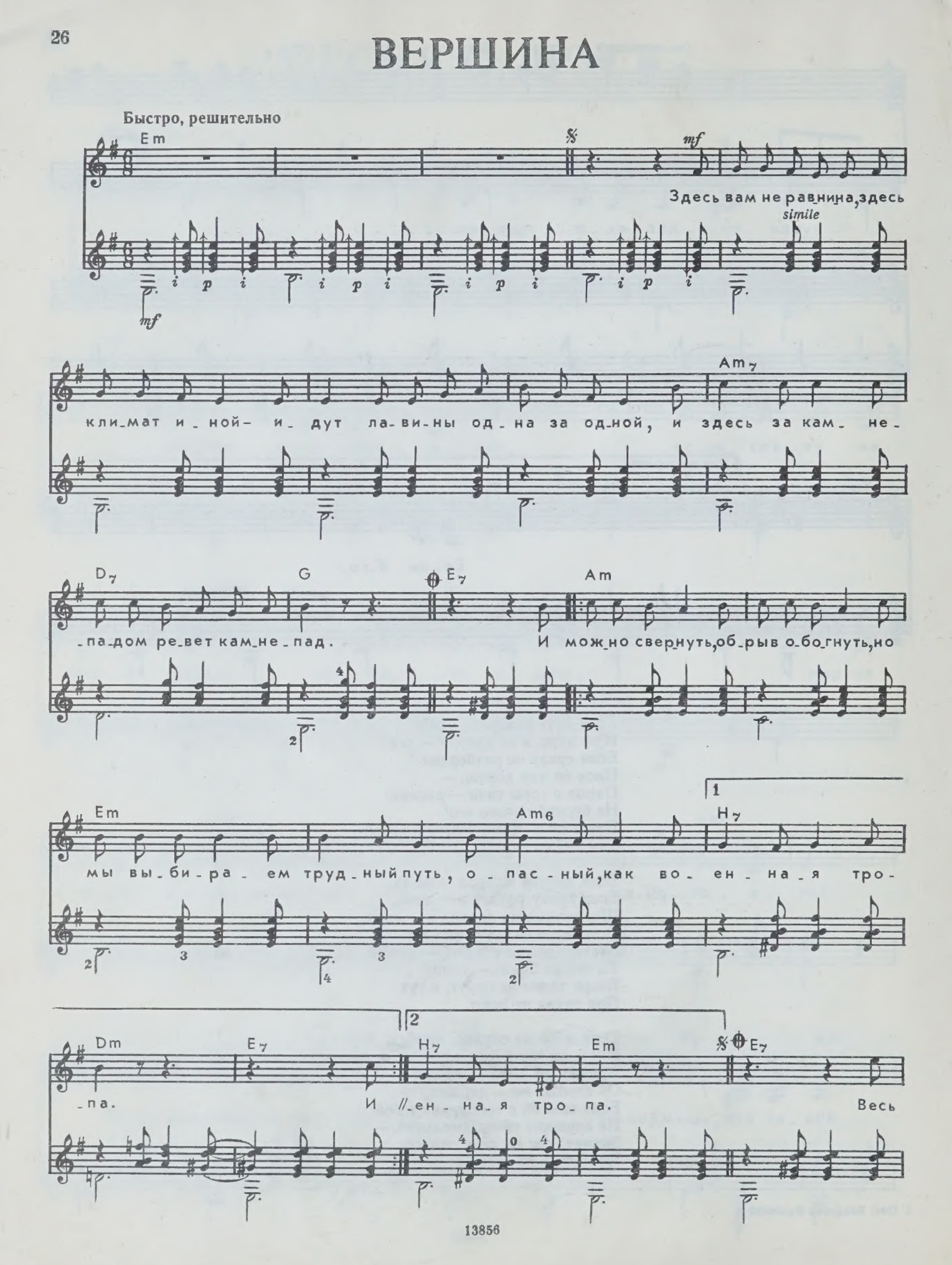


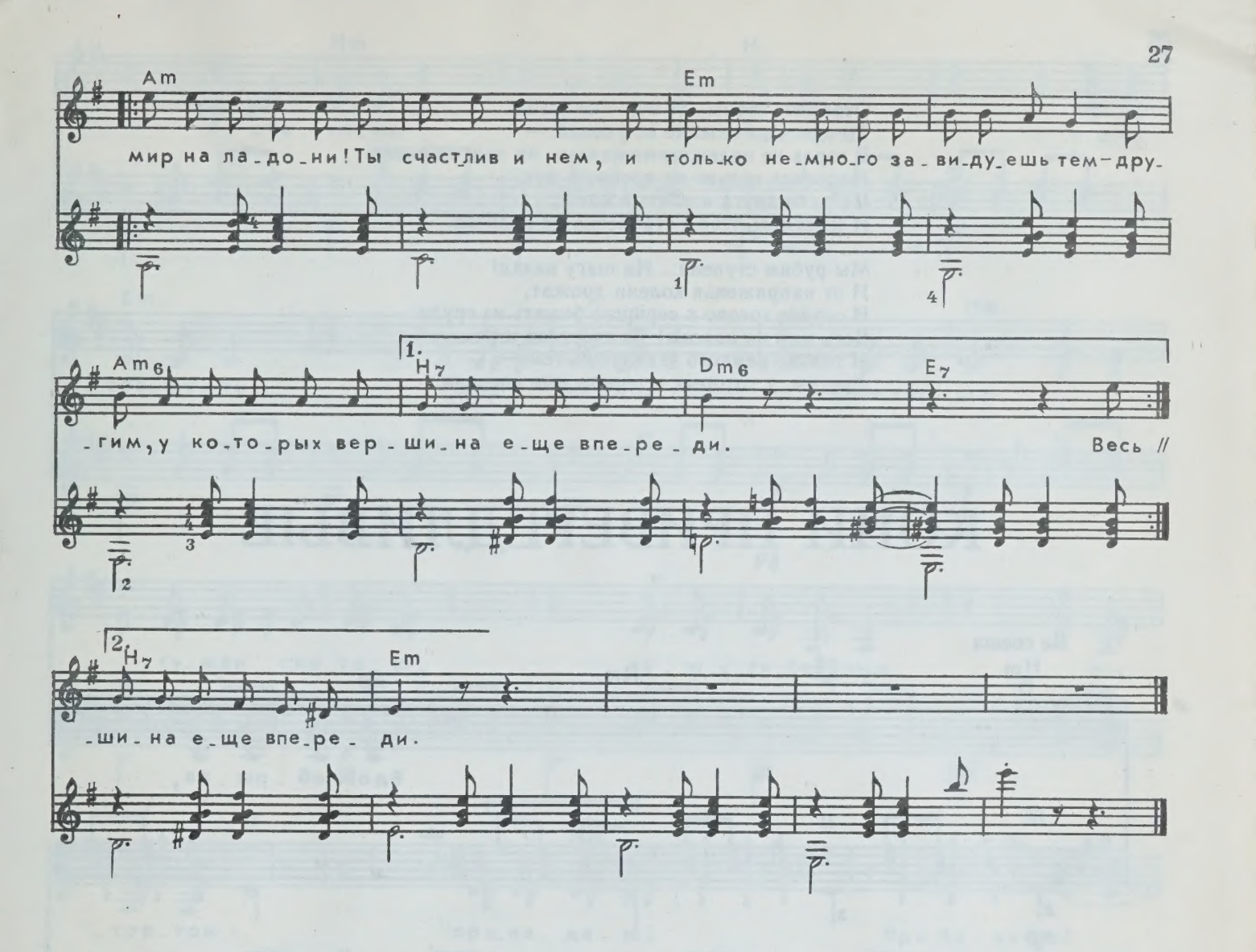
Если друг оказался вдруг
И не друг, и не враг, а — так,
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош, —
Парня в горы тяни — рискни!
Не бросай одного его!
Пусть он в связке одной с тобой —
Там поймешь, кто такой.

Если парень в горах — не ах,
Если сразу раскис и — вниз,
Шаг ступил на ледник и — сник,
Оступился — и в крик, —
Значит, рядом с тобой — чужой.
Ты его не брани — гони:
Вверх таких не берут, и тут
Про таких не поют.

Если ж он не скулил, не ныл,
Пусть он хмур был и зол, но — шел,
А когда ты упал со скал,
Он стонал, но — держал,
Если шел он с тобой, как в бой,
На вершине стоял хмельной, —
Значит, как на себя самого,
Положись на него.

ВЕРШИНА


Быстро, решительно
Em
mf
Здесь вам не равнина, здесь
simile
Am7
кли_мат и_ной- и_дут ла_ви_ны од_на за од_ной, и здесь за кам_не_
D7
G
E7
Am
_па_дом ре_вет кам_не_пад.
И мож_но свер_нуть, об_рыв о_бо_гнуть, но
Em
Am6
H7
мы вы_би_ра_ем труд_ный путь, о_пас_ный, как во_ен_на_я тро_
Dm
E7
H7
Em
E7
_па.
И _ен_на_я тро_па.
Весь



Здесь вам не равнина, здесь климат иной —
Идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом ревет камнепад.
И можно свернуть, обрыв обогнуть,
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа.

Кто здесь не бывал, кто не рисковал —
Тот сам себя не испытал,
Пусть даже внизу он звезды хватал с небес.
Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес.

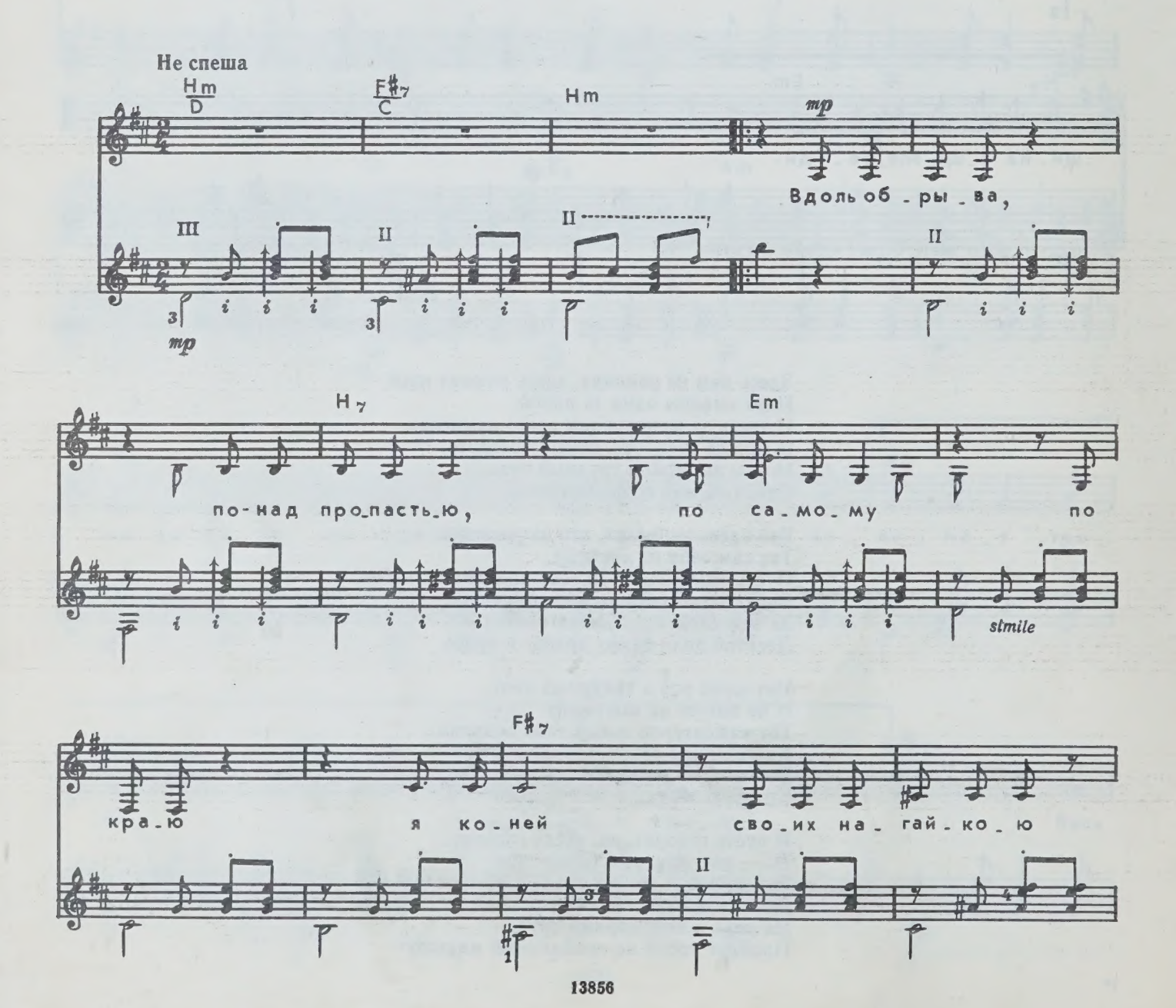
Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил.
Как Вечным огнем, сверкает днем
Вершина изумрудным льдом,
Которую ты так и не покорил.

И пусть говорят, да, пусть говорят,
Но — нет, никто не гибнет зря!
Так лучше — чем от водки и от простуд!
Другие придут, сменив уют
На риск и непомерный труд, —
Пройдут тобой не пройденный маршрут.

Отвесные стены... А ну, — не зевай!
Ты здесь на везение не уповай, —
В горах не надежны ни камень, ни лед, ни скала.
Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк,
И молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубим ступени... Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
И сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони! Ты счастлив и нем,
И только немного завидуешь тем —
Другим, у которых вершина еще впереди.

КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ



Hm H

сте_га_ю,— по_го_ня_ю,— что-то

Em Hm

воз_ду_ху мне ма_ло, ве_тер пью,

F#

ту_ман гло_та_ю, чу_ю с ги_бель_ным вос_

Hm H7

_тор_гом — про_па_да_ю! Про_па_да_ю!

Em

Чуть по_мед_лен_не_е, ко_ни, чуть

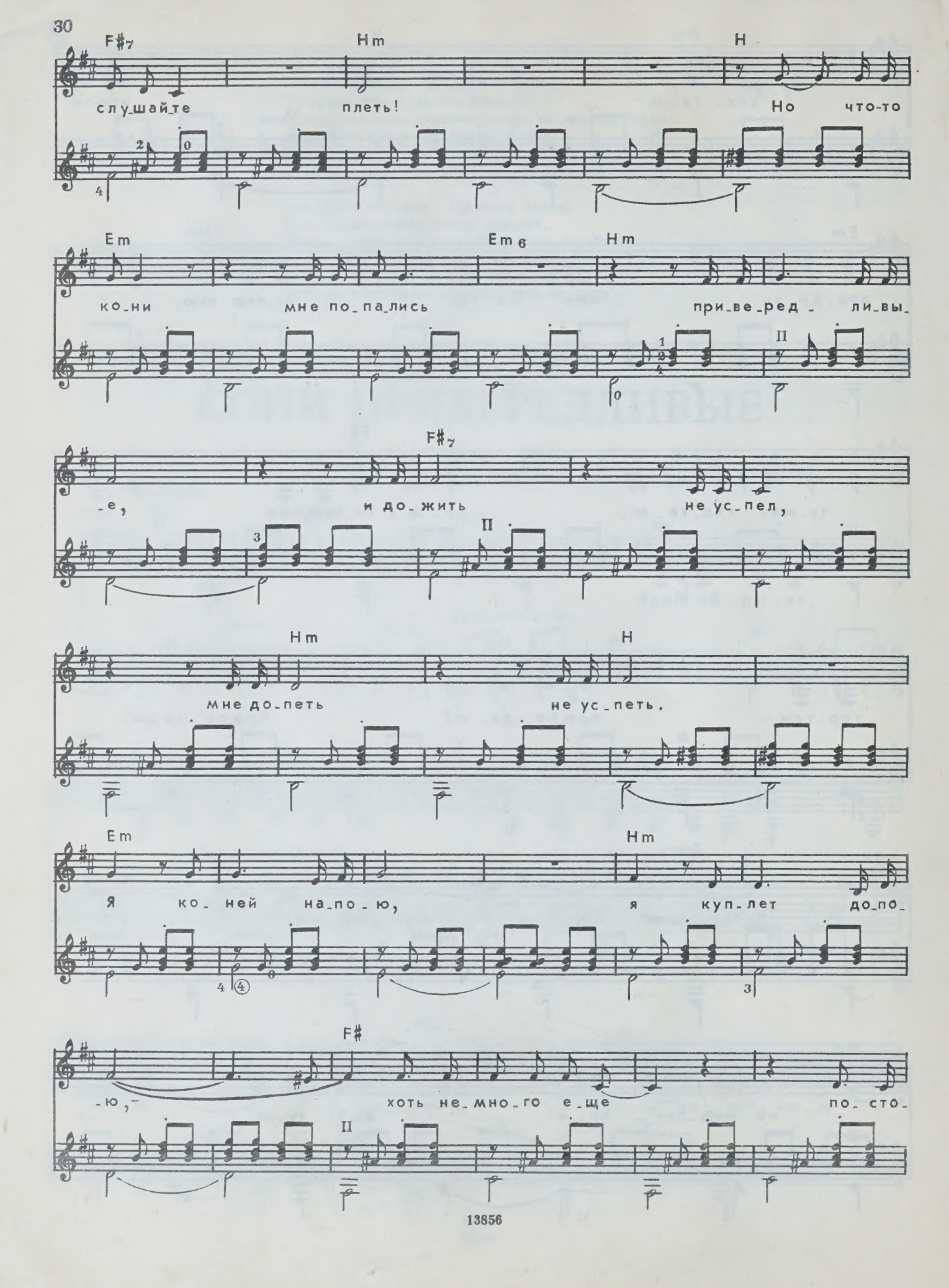
Hm F#

по_мед_лен_не_е! Вы ту_гу_ю не

F#7 Hm H

слу_шай_те плеть! Но что-то

Em Em6 Hm



ко_ни мне по_па_лись при_ве_ред_ ли_вы_

II

F#7

_е, и до_жить не ус_пел,

II

Hm H

мне до_петь не ус_петь.

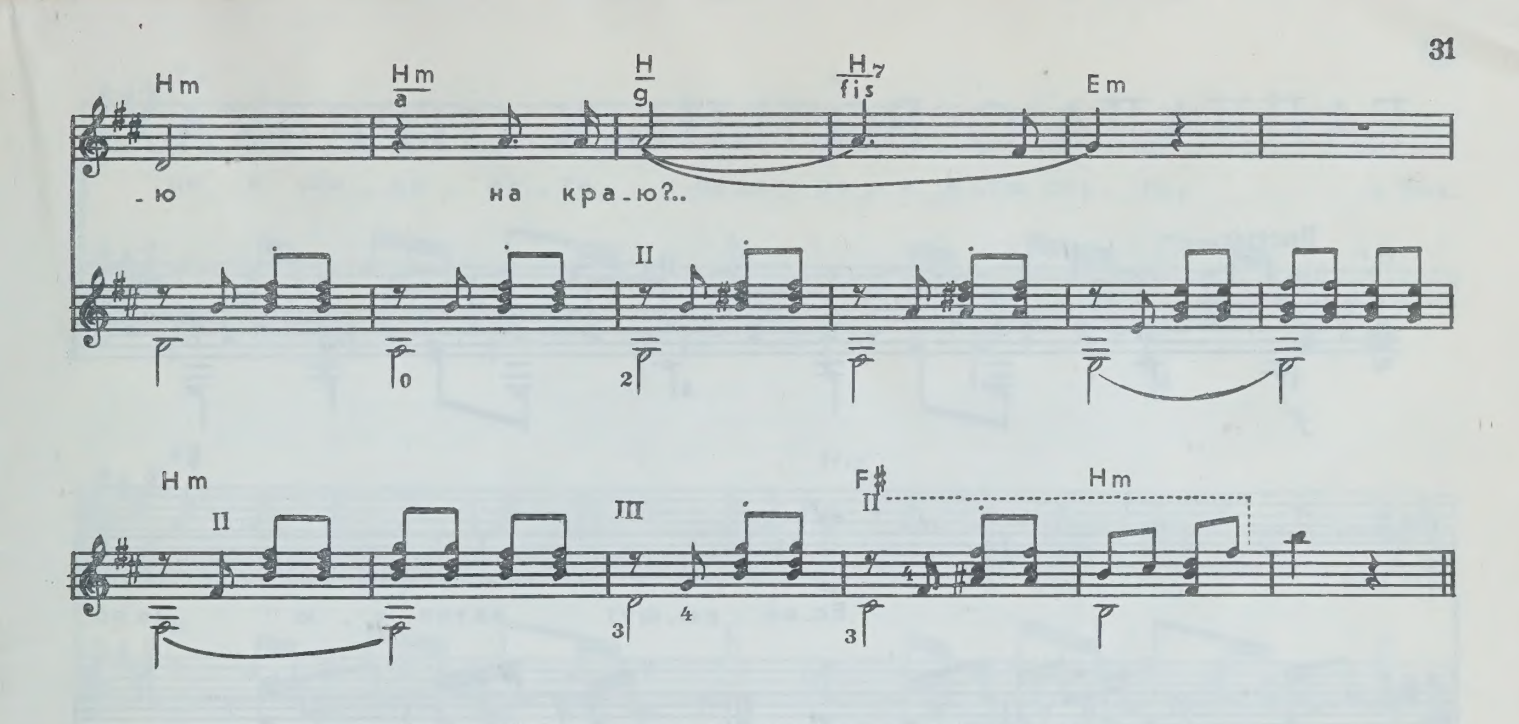
Em Hm

Я ко_ней на_по_ю, я куп_лет до_по_

F#

_ю,- хоть не_мно_го е_ще по_сто_

II



Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю, — погоняю, —
Что-то воздуху мне мало, ветер пью, туман глотаю,
Чую с гибельным восторгом — пропадаю! Пропадаю!
Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть!
Но что-то кони мне попались привередливые,
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
Я куплет допою, —
Хоть немного еще постою
на краю!..

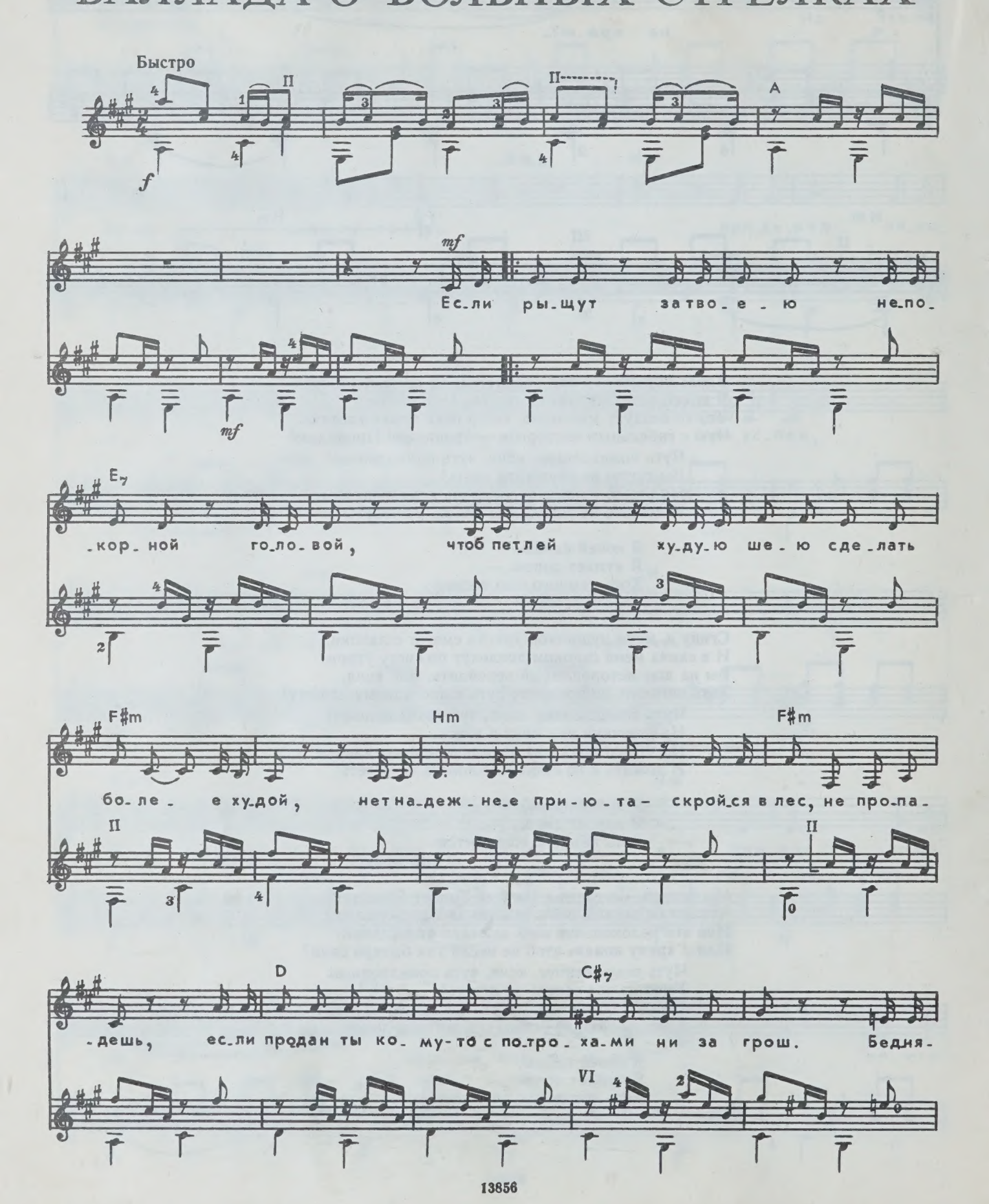
Сгину я, меня пушинкой ураган сметет с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром.
Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони,
Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту!
Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Не указчики вам кнут и плеть.
Но что-то кони мне попались привередливые,
И дожить я не смог, мне допеть не успеть.

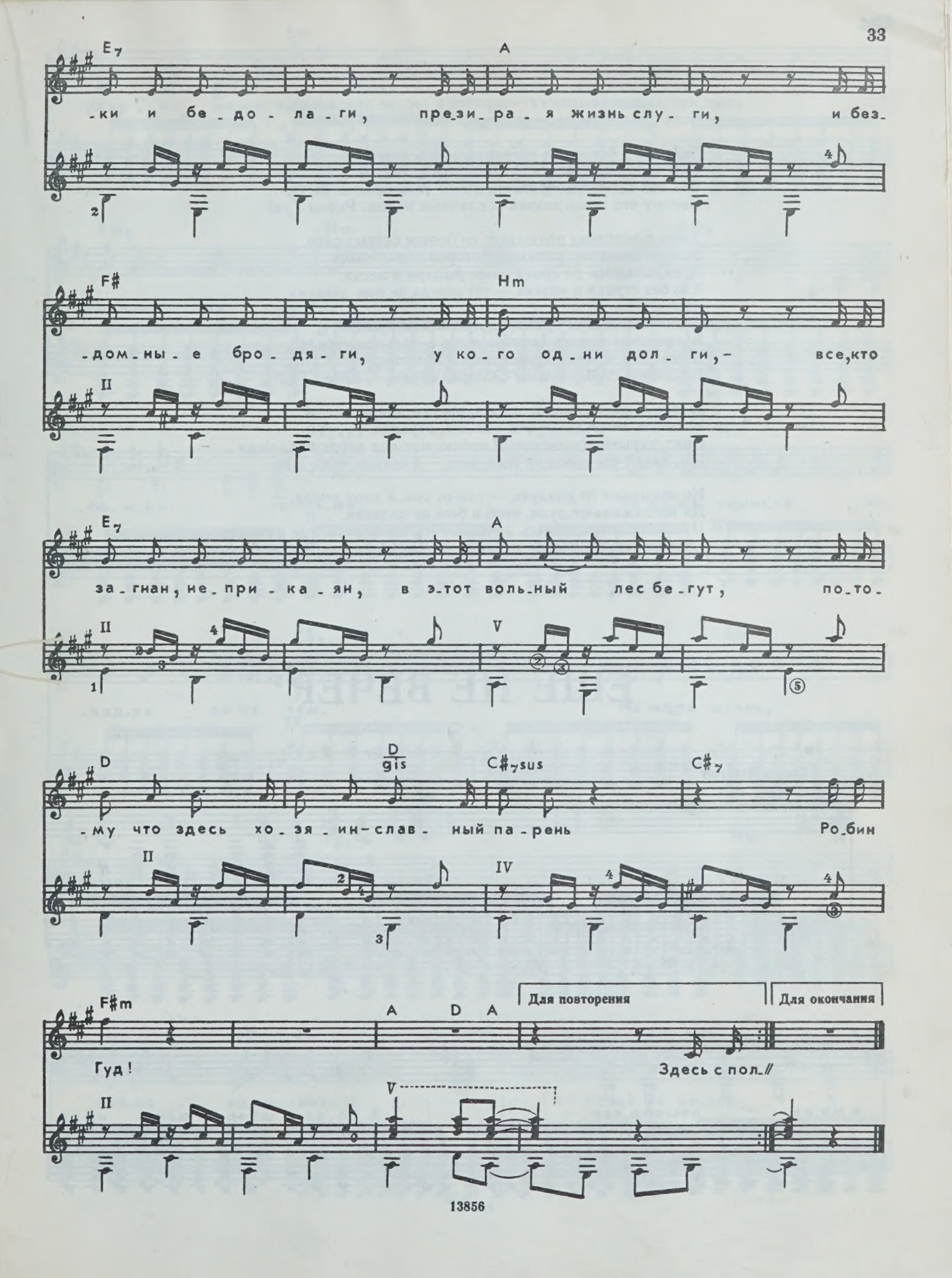
Я коней напою,
Я куплет допою, —
Хоть немного еще постою
на краю!..

Мы успели — в гости к Богу не бывает опозданий.
Что ж там ангелы поют такими злыми голосами?
Или это колокольчик весь зашелся от рыданий?
Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?
Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь не лететь!
Но что-то кони мне попались привередливые,
Коль дожить не успел, так хотя бы допеть!

Я коней напою,
Я куплет допою, —
Хоть мгновенье еще постою
на краю?..

БАЛЛАДА О ВОЛЬНЫХ СТРЕЛКАХ




E7
A
-ки и бе-до-ла-ги, прези-ра-я жизнь слу-ги, и без-
F#
Hm
-дом-ны-е бро-дя-ги, у ко-го од-ни дол-ги,- все, кто
E7
A
за-гнан, не-при-ка-ян, в э-тот воль-ный лес бе-гут, по-то-
D
D/gis
C#7sus
C#7
-му что здесь хо-зя-ин-слав-ный па-рень Ро-бин
F#m
A D A
Для повторения
Для окончания
Гуд!
Здесь с пол-//

Если рыщут за твоею непокорной головой,
Чтоб петлей худую шею сделать более худой,
Нет надежнее приюта —скройся в лес, не пропадешь,
Если продан ты кому-то с потрохами ни за грош.

Бедняки и бедолаги, презирая жизнь слуги,
И бездомные бродяги, у кого одни долги, —
Все, кто загнан, неприкаян, в этот вольный лес бегут,
Потому что здесь хозяин — славный парень Робин Гуд!

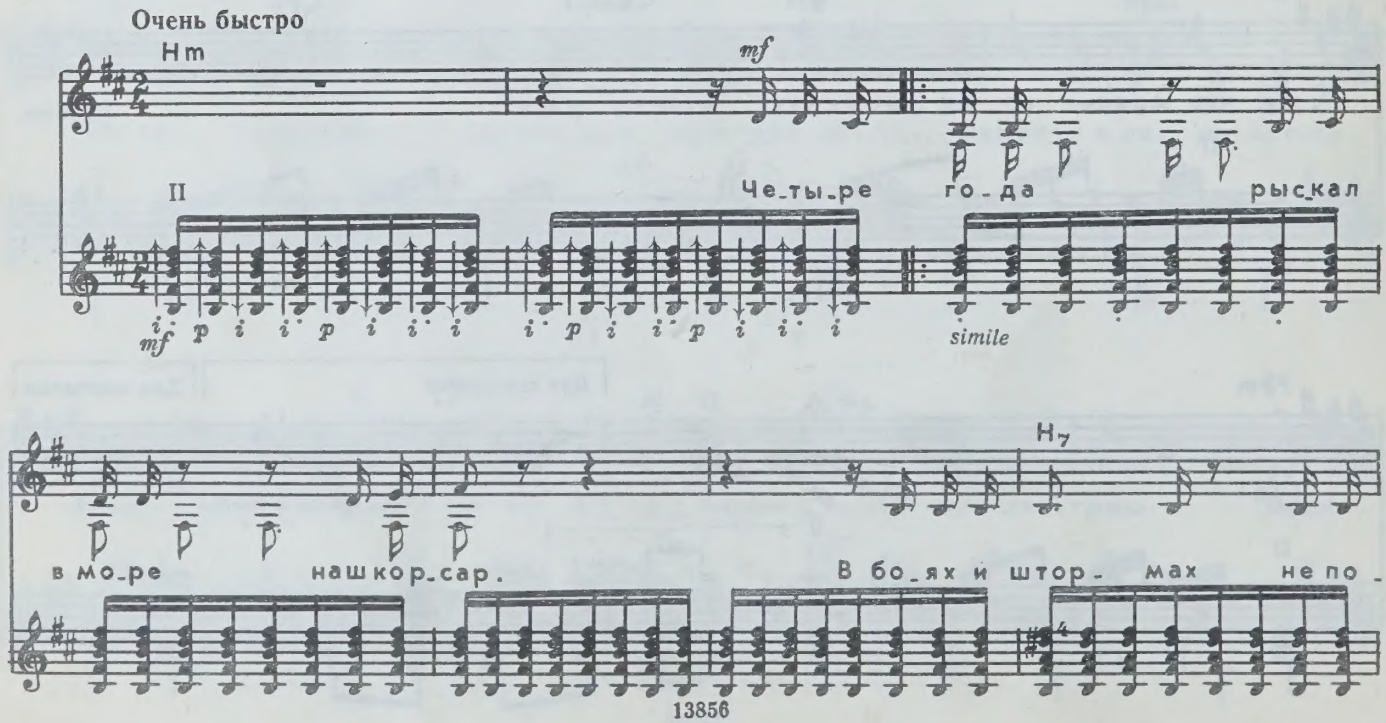
Здесь с полслова понимают, не боятся острых слов,
Здесь с почетом принимают оторви-сорви-голов,
И скрываются до срока даже рыцари в лесах:
Кто без страха и упрека — тот всегда не при деньгах.

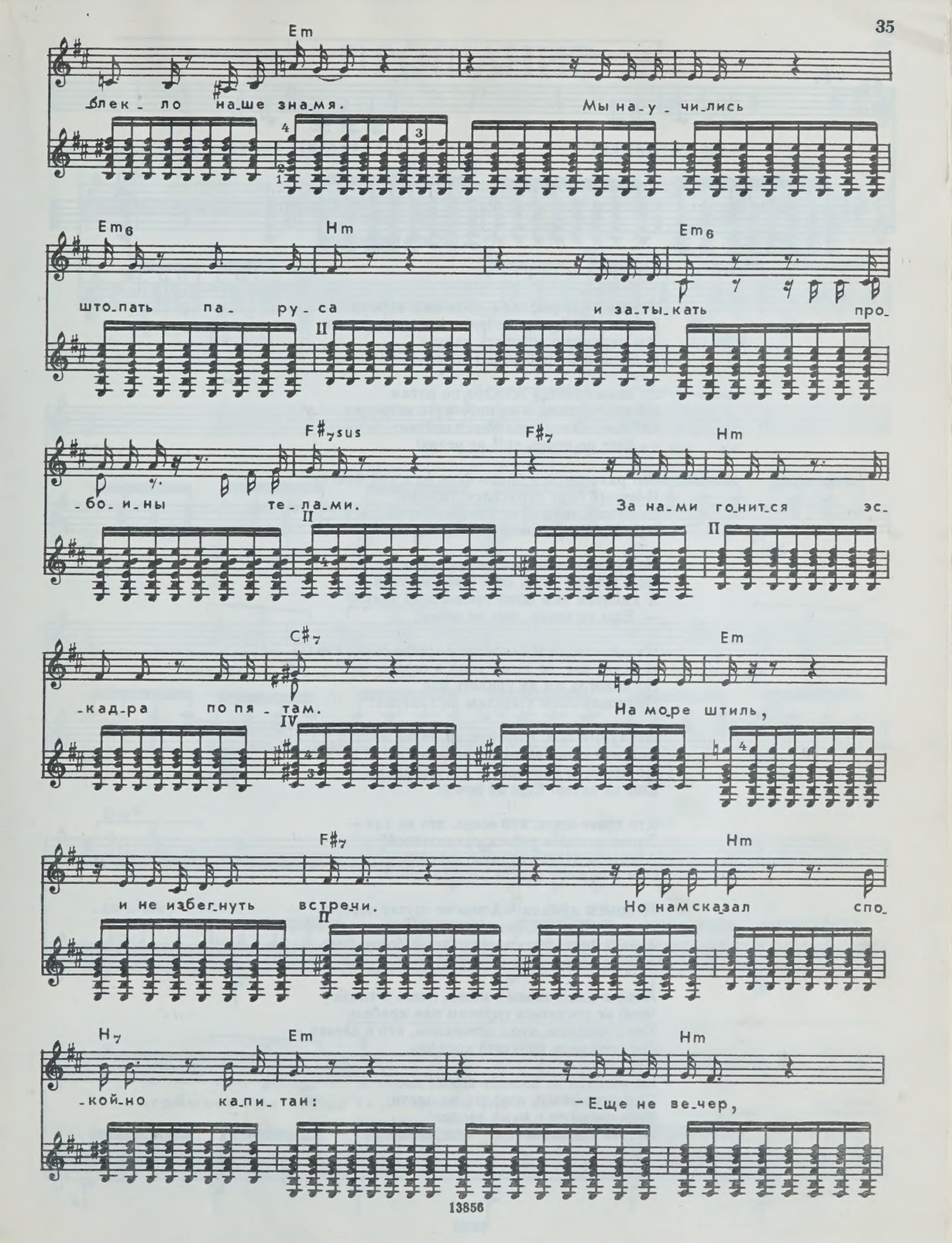
Знают все оленьи тропы, словно линии руки,
В прошлом слуги и холопы, ныне — вольные стрелки.
Здесь того, кто всё теряет, защитят и сберегут.
По лесной стране гуляет славный парень — Робин Гуд!

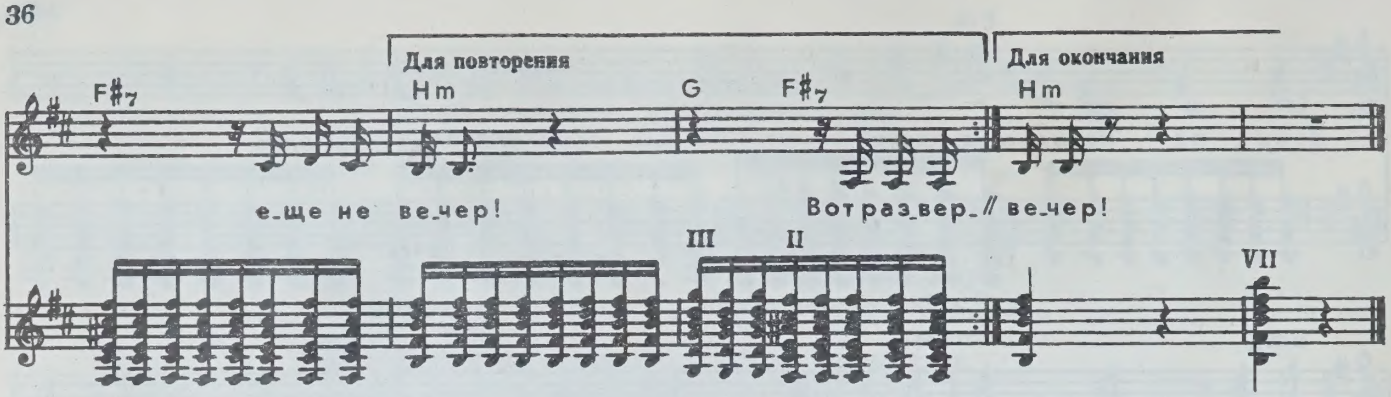
И живут да поживают всем запретам вопреки
И ничуть не унывают эти вольные стрелки.
Спят, укрывшись звездным небом, мох под ребра подложив.
Им, какой бы холод ни был, жив — и славно, если жив.

Но вздыхают от разлуки, — где-то дом и клок земли, —
Да поглаживают луки, чтоб в бою не подвели.
И стрелков не сыщешь лучших. Что же завтра, где их ждут —
Скажет первый в мире лучник — славный парень Робин Гуд!

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР




Em
влек - ло на-ше зна-мя. Мы на-у - чи-лись
Em6 Hm Em6
што-пать па - ру - са и за-ты-кать про-
F#7sus F#7 Hm
-бо-и-ны те-ла-ми. За на-ми го-нит-ся эс-
C#7 Em
-кад-ра по пя - там. На мо-ре штиль,
F#7 Hm
и не из-бег-нуть встречи. Но нам ска-зал спо-
H7 Em Hm
-кой-но ка-пи-тан: -Е-ще не ве-чер,



Четыре года рыскал в море наш корсар.
В боях и штормах не поблекло наше знамя.
Мы научились штопать паруса
И затыкать пробоины телами.

За нами гонится эскадра по пятам.
На море штиль, и не избегнуть встречи.
Но нам сказал спокойно капитан:
— Еще не вечер, еще не вечер!

Вот развернулся боком флагманский фрегат,
И левый борт окрасился дымами,
Ответный залп — на глаз и наугад.
Вдали пожар и смерть. Удача — с нами!

Из худших выбирались передряг,
Но с ветром худо, да и в трюме течи,
А капитан нам шлет привычный знак,
— Еще не вечер, еще не вечер!

На нас глядят в бинокли, в трубы сотни глаз,
И видят нас, от дыма злых и серых,
Но никогда им не увидеть нас
Прикованными к веслам на галерах!

Неравный бой. Корабль кренится наш.
Спасите наши души человечьи!
Но крикнул капитан: — На абордаж!
Еще не вечер! Еще не вечер!

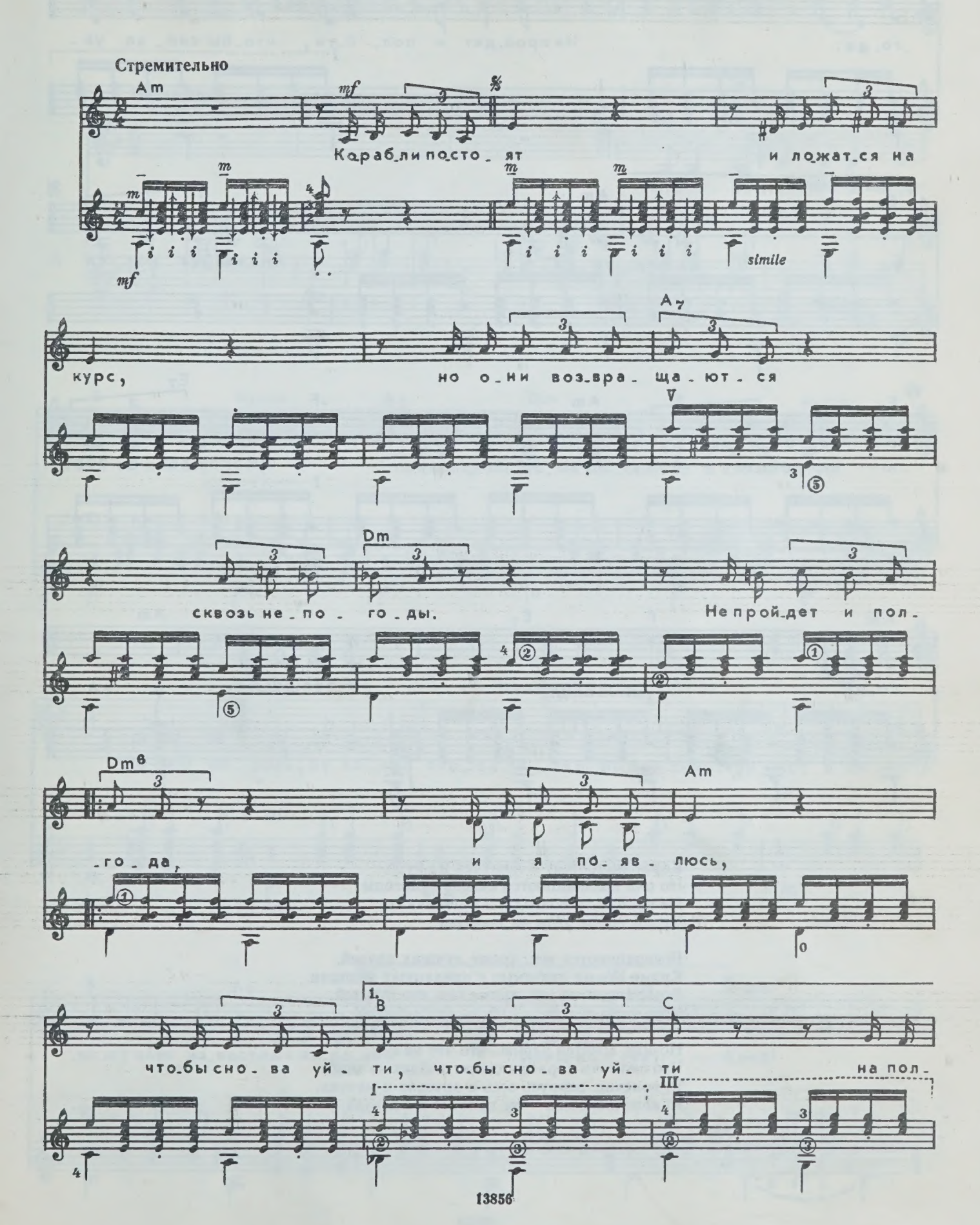
Кто хочет жить, кто весел, кто не тля —
Готовьте ваши руки к рукопашной!
А крысы пусть уходят с корабля —
Они мешают схватке бесшабашной!

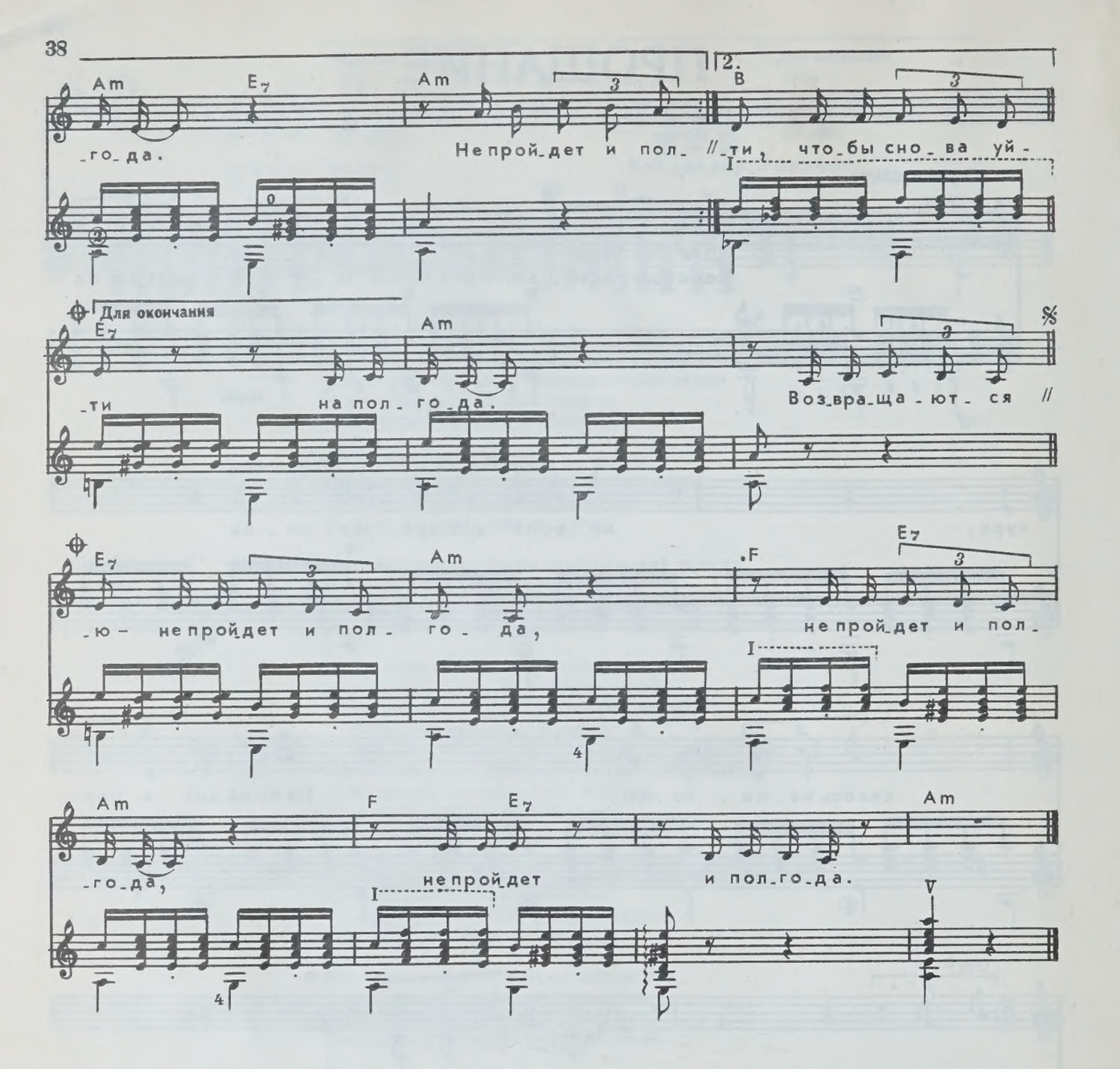
И крысы думали: «А чем не шутит черт?!»
И тупо прыгали, спасаясь от картечи.
А мы с фрегатом становились к борту борт.
Еще не вечер. Еще не вечер!

Лицо в лицо, ножи в ножи, глаза в глаза!
Чтоб не достаться спрутам или крабам,
Кто с кольтом, кто с кинжалом, кто в слезах, —
Мы покидали тонущий корабль.

Но нет! Им не послать его на дно —
Поможет океан, взвалив на плечи.
Ведь океан-то с нами заодно!
И прав был капитан — еще не вечер!

ПРОЩАНИЕ


Стремительно
Am
mf
Корабли посто_ят и ложат_ся на
simile
курс, но о_ни воз_вра_ща_ют_ся
A7
сквозь не_по_го_ды. Не прой_дет и пол_
Dm
Dm6
_го_да, и я по_яв_люсь,
Am
что_бы сно_ва уй_ти, что_бы сно_ва уй_ти на пол_
B
C

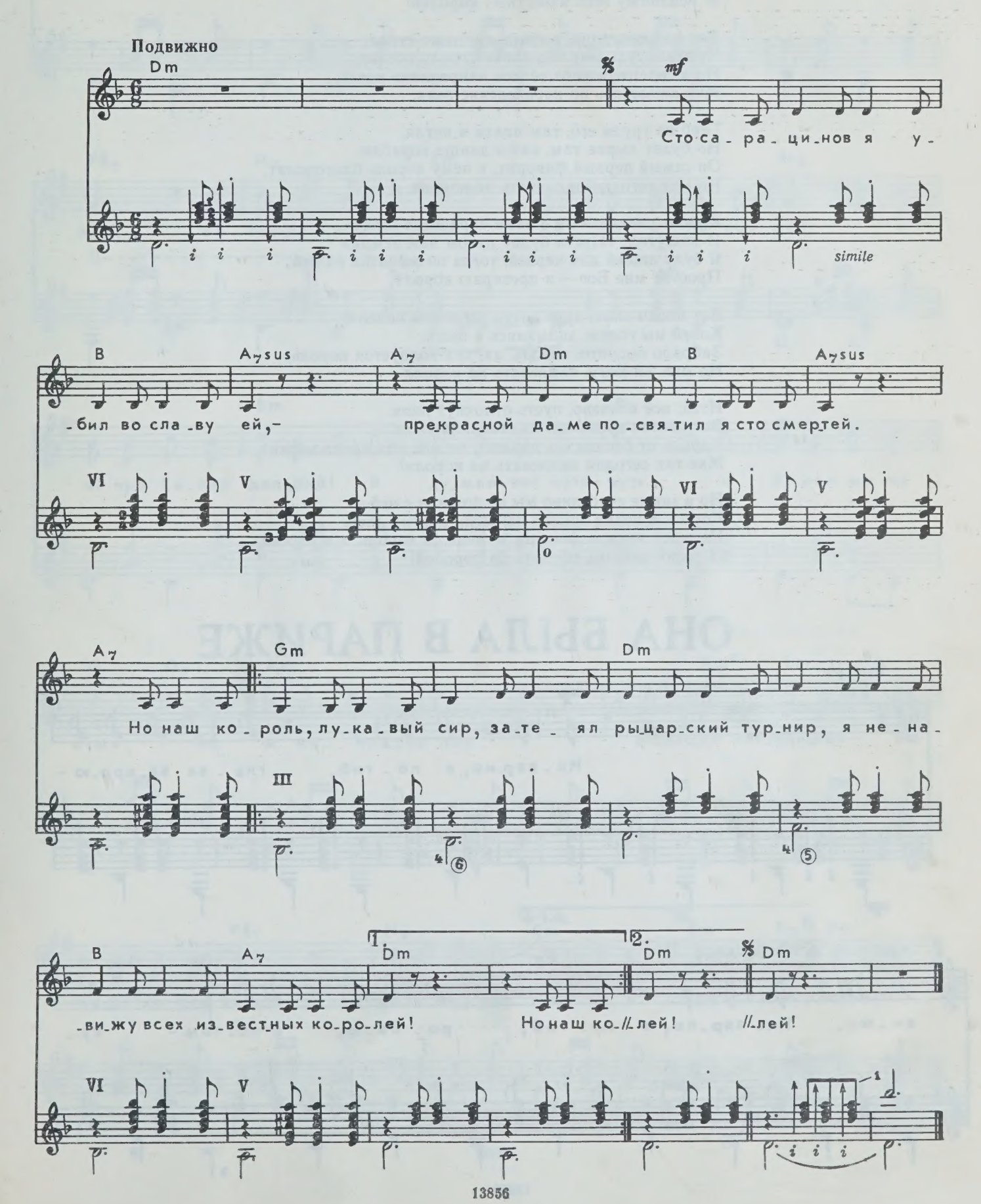


Корабли постоят и ложатся на курс,
Но они возвращаются сквозь непогоды.
Не пройдет и полгода, и я появлюсь,
Чтобы снова уйти на полгода.

Возвращаются все, кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все, кроме тех, кто нужней.
Я не верю судьбе, а себе — еще меньше.

Но мне хочется верить, что это не так,
Что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь весь в друзьях и мечтах,
Я, конечно, спою — не пройдет и полгода.

РЫЦАРСКИЙ ТУРНИР



Сто сарацинов я убил во славу ей, —
Прекрасной даме посвятил я сто смертей.
Но наш король, лукавый сир, затеял рыцарский турнир,
Я ненавижу всех известных королей!

Вот мой соперник, рыцарь круглого стола,
Чужую грудь мне под копье король послал.
Но в сердце нежное ее мое направлено копье,
Мне наплевать на королевские дела.

Герб на груди его, там плаха и петля,
Но будет дырка там, как в днище корабля.
Он самый первый фаворит, к нему король благоволит,
Но мне сегодня наплевать на короля.

Король сказал: «Он с вами справится шаля»
И пошутил: «Пусть будет пухом вам земля».
Я буду пищей для червей, тогда он женится на ней,
Простит мне Бог — я презираю короля.

Вот подан знак, друг друга взглядом пепеля,
Коней мы гоним, задыхаясь и пыля.
Забрало поднято, изволь, ах, как волнуется король,
Но мне, ей-Богу, наплевать на короля.

Итак, всё кончено, пусть отдохнут поля.
Вот льется кровь его на стебли ковыля.
Король от бешенства дрожит, но мне она принадлежит,
Мне так сегодня наплевать на короля!

Но в замке счастливо мы не пожили с ней —
Король в поход послал на сотни долгих дней.
Не ждет меня мой идеал, — ведь он король, а я вассал.
И рано, видимо, плевать на королей!

ОНА БЫЛА В ПАРИЖЕ

Быстро

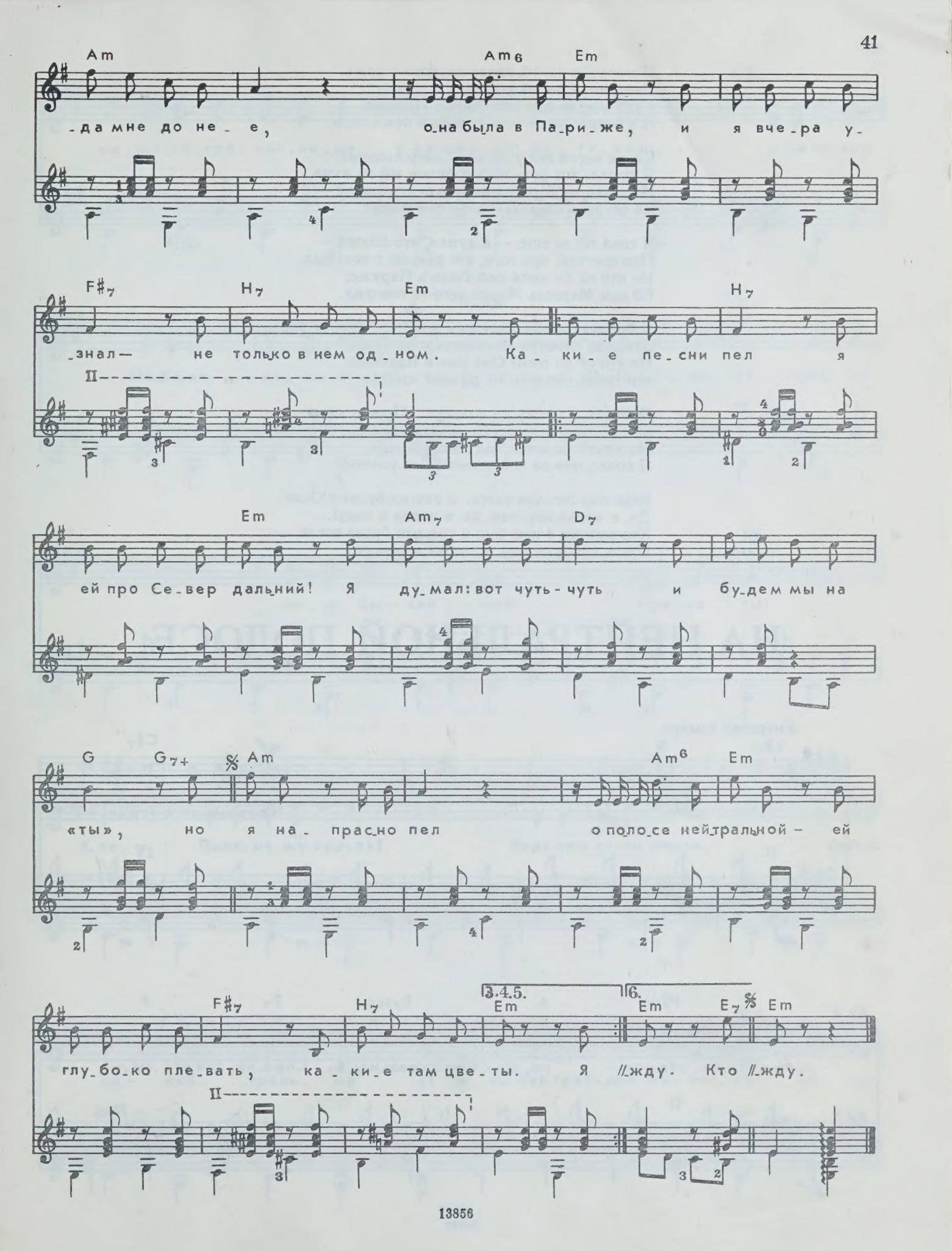
Em — *mp* — На-вер-но, я по-гиб, гла-за за-кро-ю-

mp — *simile*

Am — Am7 — D7 — G — G7+

ви-жу. На-вер-но, я по-гиб, ро-бе-ю, а по-том — ку-

13856


Am
Am6
Em
-да мне до не-е, она была в Па-ри-же, и я вче-ра у-
F#7
H7
Em
H7
-знал— не только в нем од-ном. Ка-ки-е пе-сни пел я
Em
Am7
D7
ей про Се-вер дальний! Я ду-мал: вот чуть-чуть и бу-дем мы на
G
G7+
Am
Am6
Em
«ты», но я на-прас-но пел о поло-се нейтральной — ей
F#7
H7
3.4.5.
Em
6.
Em
E7
Em
глу-бо-ко пле-вать, ка-ки-е там цве-ты. Я жду. Кто жду.

Наверно, я погиб, глаза закрою — вижу.
Наверно, я погиб, робею, а потом —
Куда мне до нее, она была в Париже,
И я вчера узнал — не только в нем одном.

Какие песни пел я ей про Север дальний!
Я думал: вот чуть-чуть и будем мы на «ты»,
Но я напрасно пел о полосе нейтральной —
Ей глубоко плевать, какие там цветы.

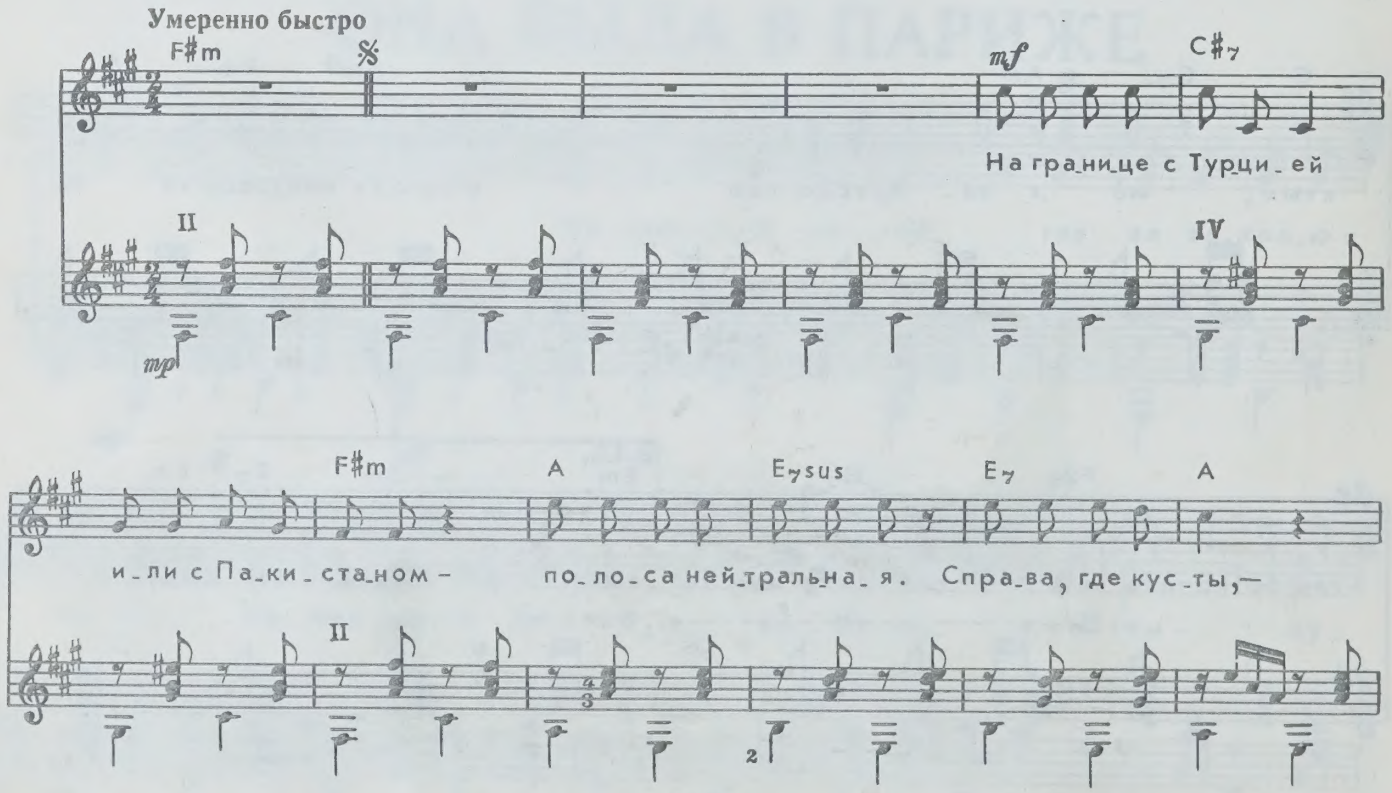
Я спел тогда еще, — я думал, это ближе, —
Про счетчик, про того, кто раньше с нею был,
Но что ей до меня, она была в Париже,
Ей сам Марсель Марсо чего-то говорил.

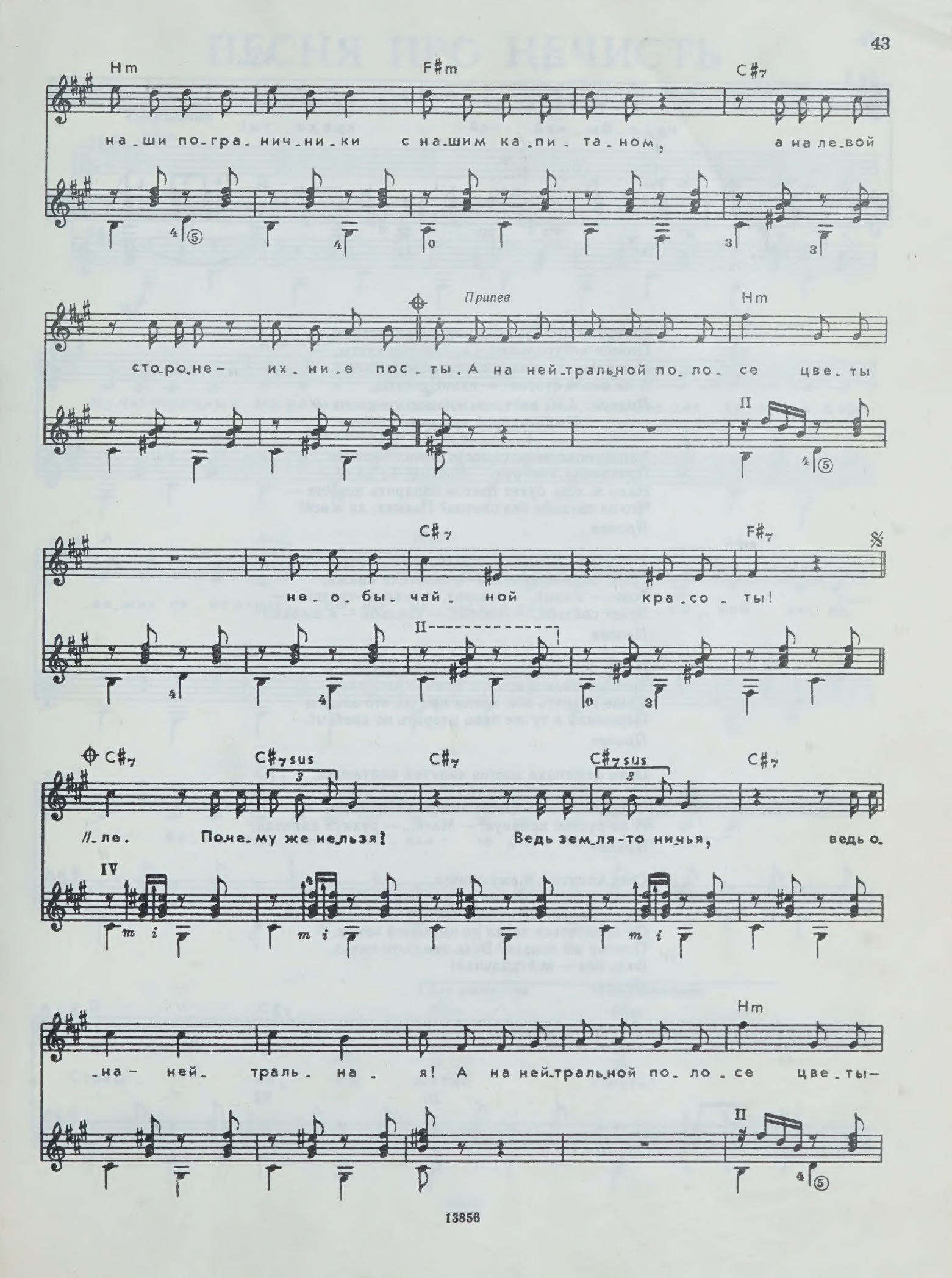
Я бросил свой завод, хоть, в общем, был не вправе,
Засел за словари на совесть и на страх,
Но что ей до того? Она уже в Варшаве,
Мы снова говорим на разных языках...

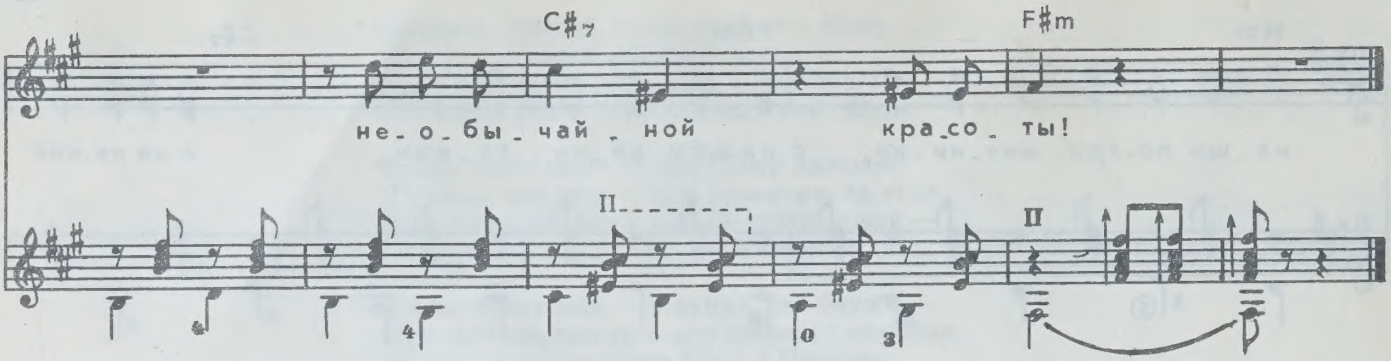
Приедет, я скажу по-польски: «Проше, пани,
Прими таким, как есть, не буду больше петь...»
Но что ей до меня, она уже в Иране,
Я понял, мне за ней, конечно, не успеть!

Ведь она сегодня здесь, а завтра будет в Óсле...
Да, я попал впросак, да, я попал в беду!..
Кто раньше с нею был и тот, кто будет после, —
Пусть пробуют они, я лучше пережду.

НА НЕЙТРАЛЬНОЙ ПОЛОСЕ




Hm
F#m
C#7
на_ши по_гра_нич_ни_ки с на_шим ка_пи_та_ном, а на ле_вой
Припев
Hm
сто_ро_не— их_ни_е пос_ты. А на ней_траль_ной по_ло_се цве_ты
C#7
F#7
не_о_бы_чай_ной кра_со_ты!
C#7
C#7sus
C#7
C#7sus
C#7
_ле. Поче_му же нельзя! Ведь зем_ля-то ничья, ведь о_
Hm
_на_ ней_ траль_на_я! А на ней_траль_ной по_ло_се цве_ты—



На границе с Турцией или с Пакистаном —
Полоса нейтральная. Справа, где кусты, —
Наши пограничники с нашим капитаном,
А на левой стороне — ихние посты.

Припев: А на нейтральной полосе цветы —
Необычайной красоты!

Капитанова невеста жить решила вместе.
Прикатила, говорит: — Милый! То да сё...
Надо ж хоть букет цветов подарить невесте —
Что за свадьба без цветов? Пьянка, да и всё!

Припев

К ихнему начальнику, точно по повестке,
Тоже баба прикатила — налетела блажь,
Тоже — милый, — говорит, только по-турецки, —
Будет свадьба, — говорит, — свадьба — и шабаш!

Припев

Наши пограничники — храбрые ребята —
Трое вызвались идти, с ними — капитан.
Разве ж знать они могли про то, что азиаты
Порешили в ту же ночь вдарить по цветам!..

Припев

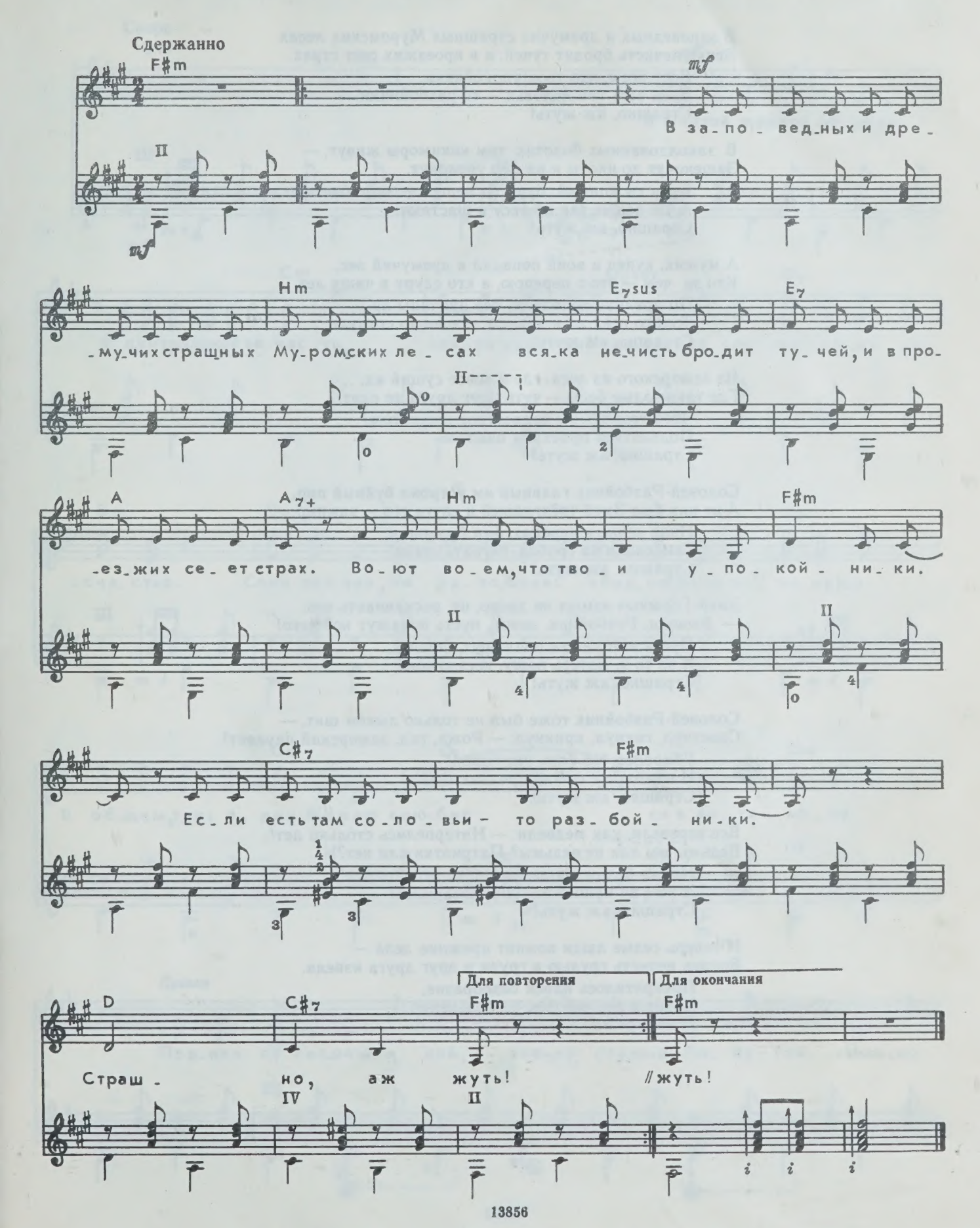
Пьян от запаха цветов капитан мертвецки,
Ну, и ихний капитан тоже в доску пьян.
Повалился он в цветы, охнув по-турецки,
И по-русски крикнув: — Мать... — рухнул капитан.

Припев

Спит капитан, и ему снится,
Что открыли границу, как ворота в Кремле.
Ему и на фиг не нужна была чужая заграница —
Он пройтиться хотел по ничейной земле.
Почему же нельзя? Ведь земля-то ничья,
Ведь она — нейтральная!

Припев

ПЕСНЯ ПРО НЕЧИСТЬ



В заповедных и дремучих страшных Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей, и в проезжих сеет страх.
Воет воем, что твои упокойники.
Если есть там соловьи — то разбойники.
Страшно, аж жуть!

В заколдованных болотах там кикиморы живут, —
Защекочут до икоты и на дно уволокут.
Будь ты конный, будь ты пеший — заграбастают,
А уж лешие так пó лесу и шастают.
Страшно, аж жуть!

А мужик, купец и воин попадал в дремучий лес,
Кто за чем — что с перепою, а кто сдуру в чащу лез.
По причине попадали, без причины ли,
Только всех их и видали, — словно сгинули.
Страшно, аж жуть!

Из заморского из леса, где и вовсе сущий ад,
Где такие злые бесы — чуть друг друга не едят,
Чтоб творить им совместное зло потом,
Поделиться приехали опытом.
Страшно, аж жуть!

Соловей-Разбойник главный им устроил буйный пир,
А от них был Змей трёхглавый и слуга его — вампир.
Пили зелье в черепах, ели бульники,
Танцевали на гробах, богохульники!
Страшно, аж жуть!

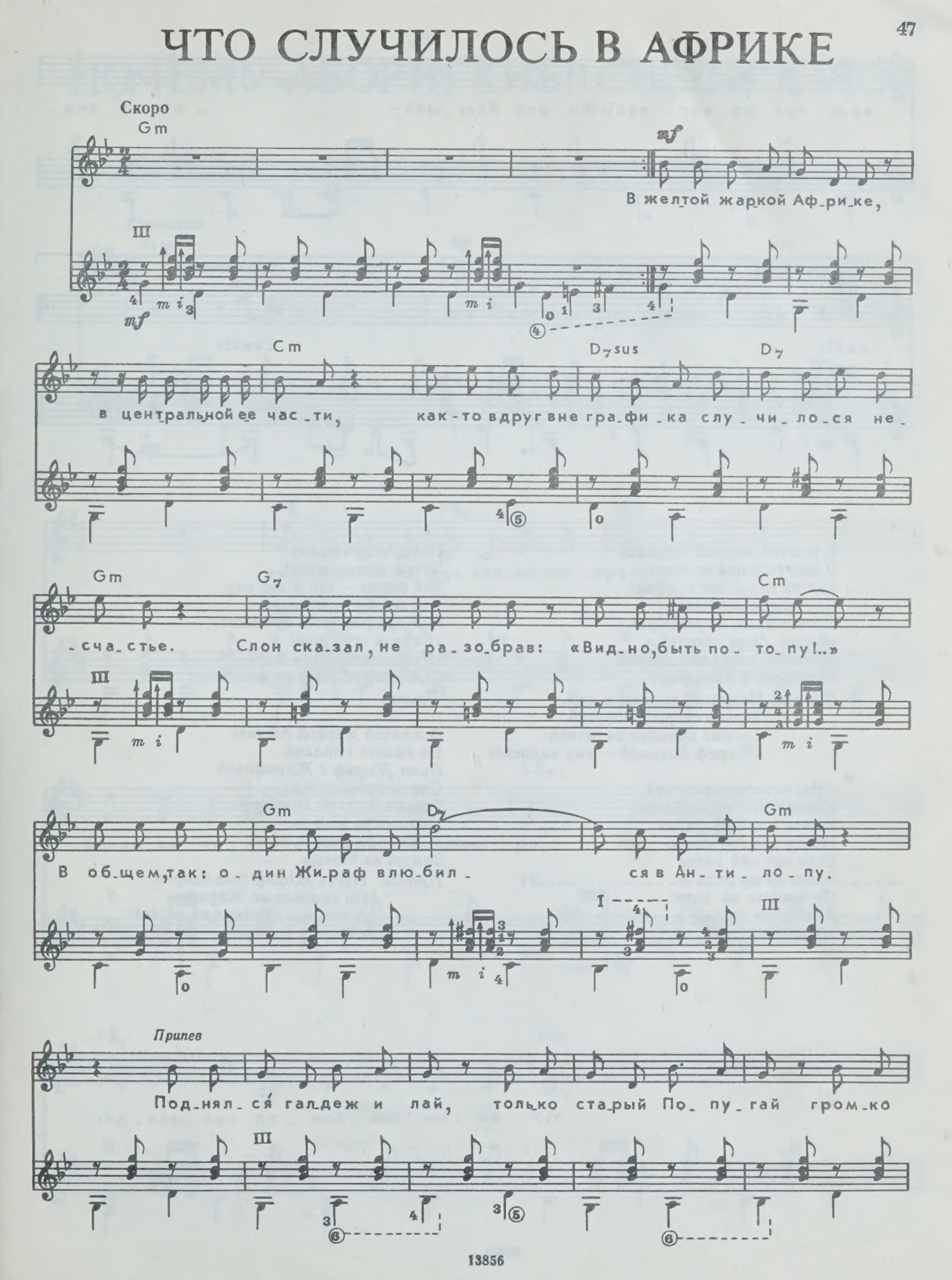
Змей-Горыныч взмыл на древо, ну раскачивать его:
— Выводи, Разбойник, девок, пусть покажут кой-чего!
Пусть нам лешие попляшут, попоют,
А не то я, матерь вашу, всех сгною!
Страшно, аж жуть!

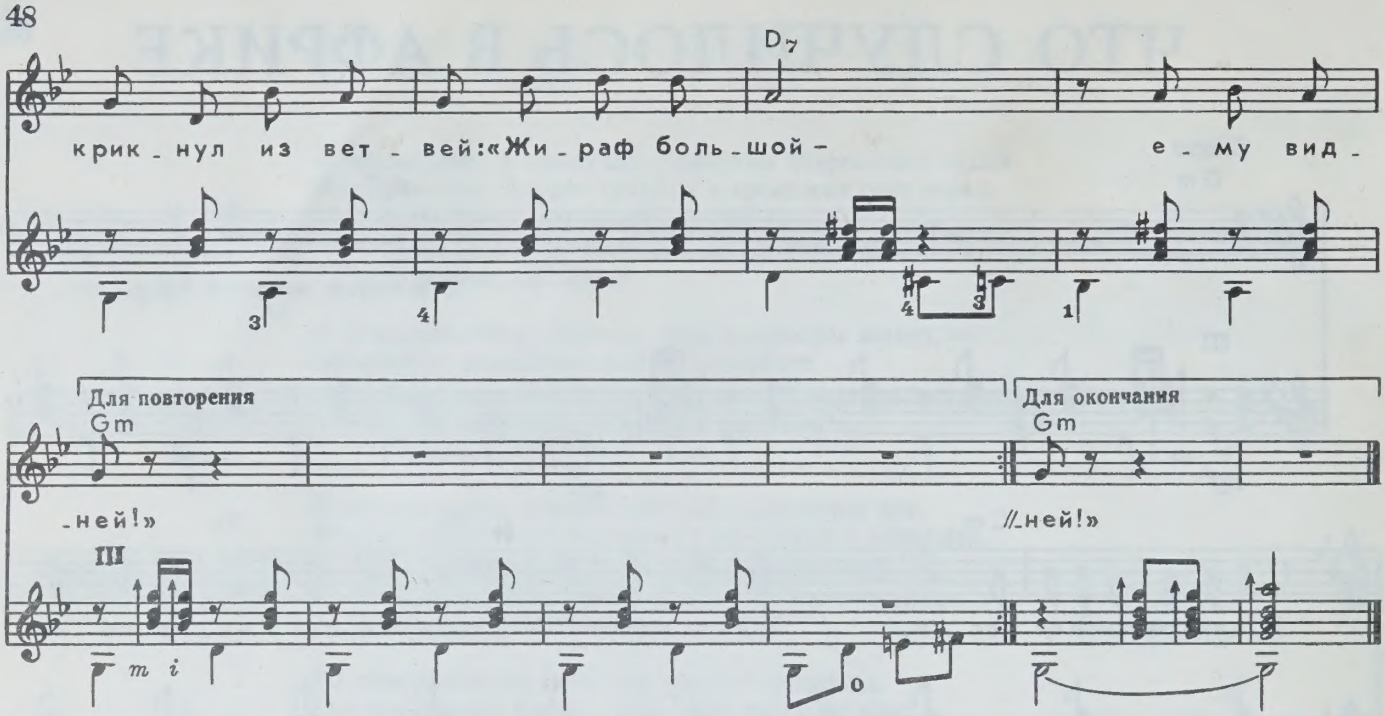
Соловей-Разбойник тоже был не только лыком шит, —
Свистнул, гикнул, крикнул: — Рожа, гад, заморский паразит!
Убирайся без бою, уматывай!
И вампира с собою прихватывай!
Страшно, аж жуть!

Все взревели, как медведи: — Натерпелись столько лет!
Ведьмы мы али не ведьмы? Патриотки али нет?!
Нáлил бельма, ишь ты, клещ, отоварился!
А еще на наших женщин позарился!
Страшно, аж жуть!

И теперь седые люди помнят прежние дела —
Билась нечисть грудью в груди и друг друга извела.
Прекратилось навек безобразие,
Ходит в лес человек безбоязненно.
И не страшно — ничуть!

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В АФРИКЕ





В желтой жаркой Африке,
В центральной ее части,
Как-то вдруг вне графика
Случилося несчастье.
Слон сказал, не разобрав:
«Видно, быть потопу!..»
В общем, так: один Жираф
Влюбился в Антилопу.

Припев: Поднялся галдеж и лай,
Только старый Попугай
Громко крикнул из ветвей:
«Жираф большой — ему видней!»

«Что же, что рога у ней, —
Кричал Жираф любовно, —
Нынче в нашей фауне
Равны все пороговно.
Если вся моя родня
Будет ей не рада —
Не пеняйте на меня,
Я уйду из стада!»

Припев

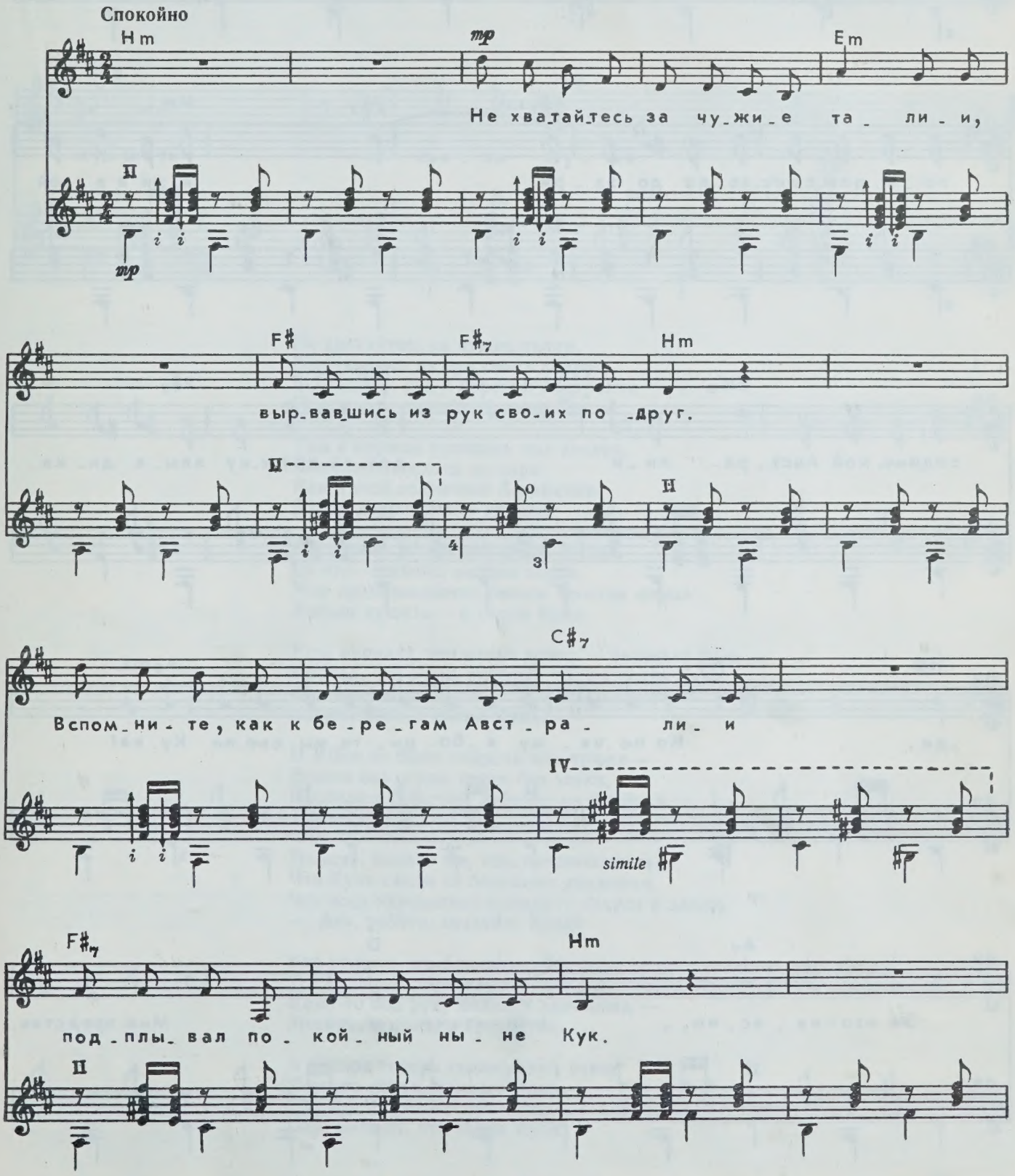
Папе Антилопьему
Зачем такого сына!
Всё равно — что в лоб ему,
Что по лбу — всё едино.
И Жирафов тесть брюзжит:
«Видали остолопа!..»
И ушли к бизонам жить
С Жирафом Антилопа.

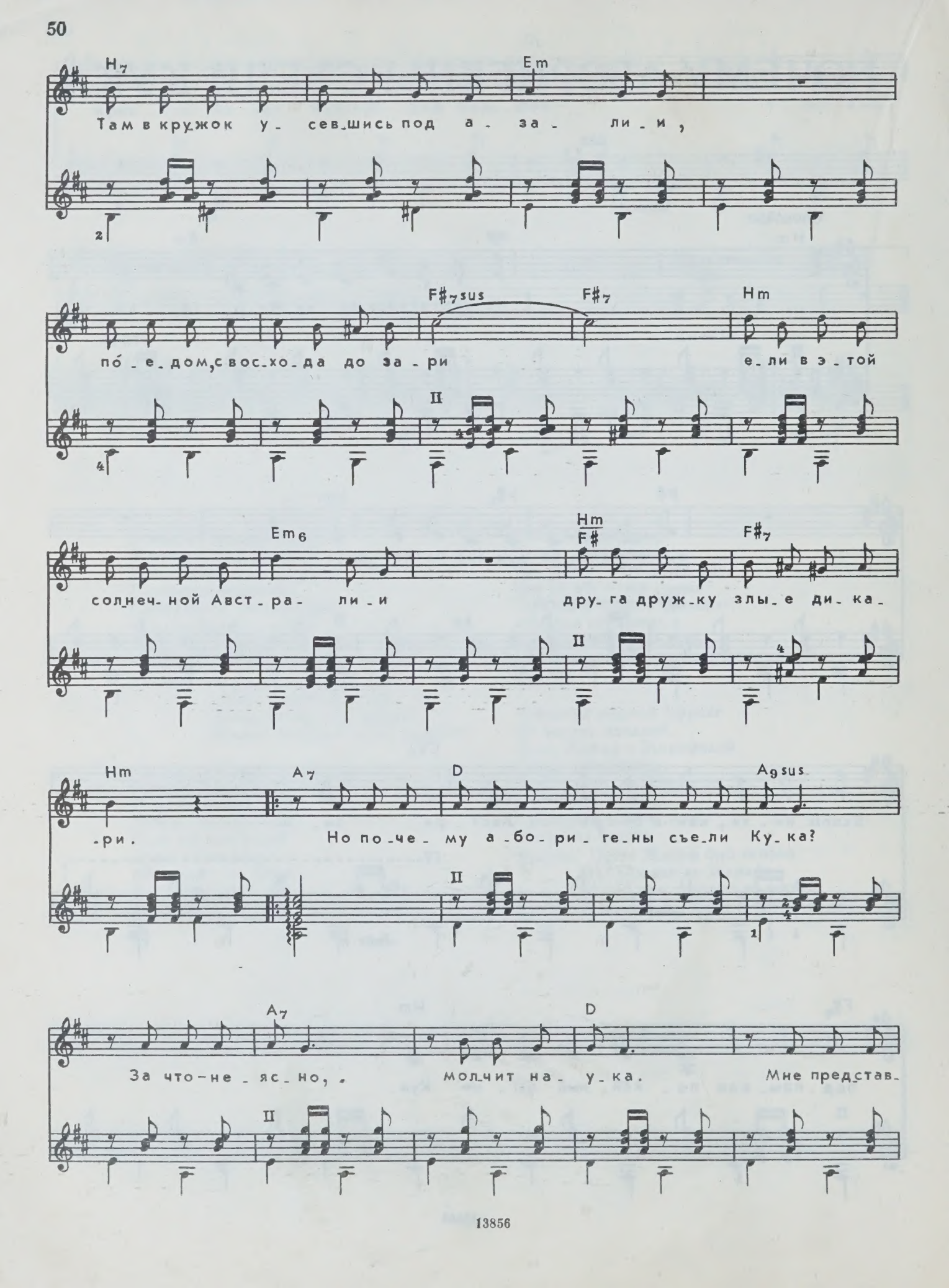
Припев

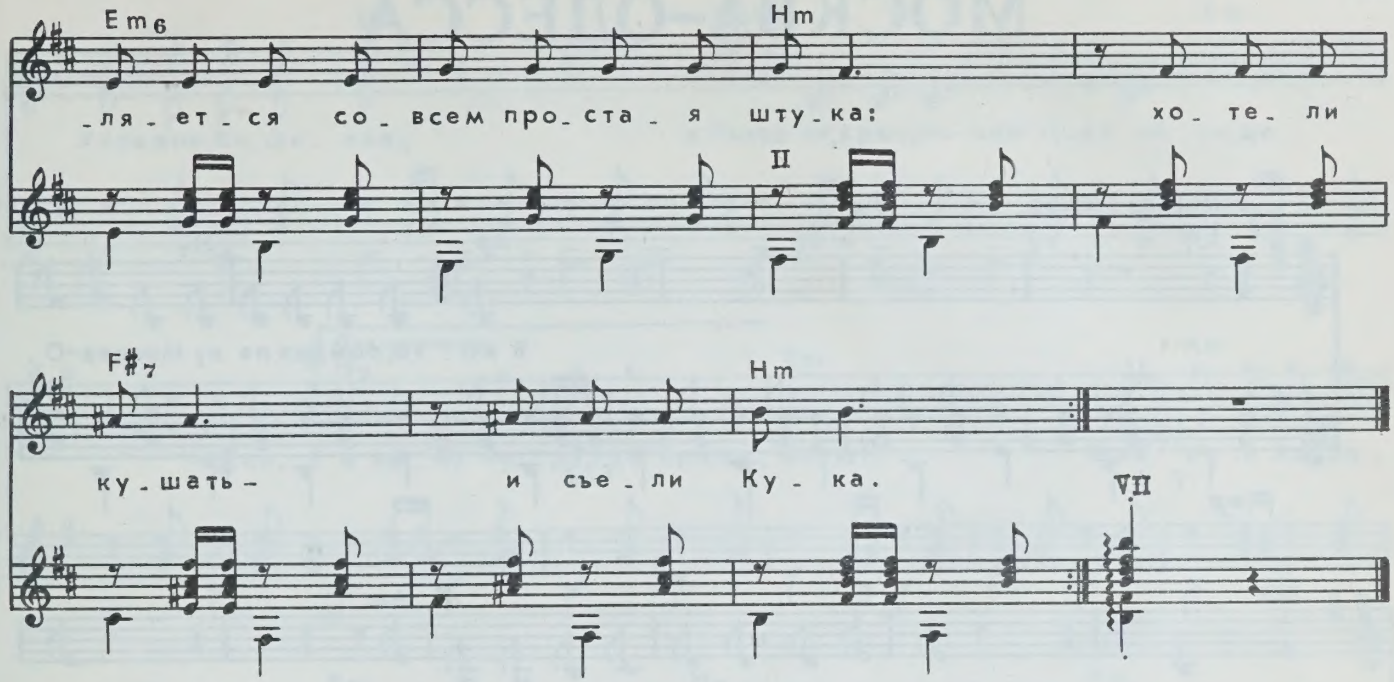
В желтой жаркой Африке
Не видать идиллий.
Льют Жираф с Жирафихой
Слезы крокодильи.
Только горю не помочь —
Нет теперь закона:
У Жирафа вышла дочь
Замуж за бизона.

Припев: Пусть Жираф был неправ,
Но виновен не Жираф,
А тот, кто крикнул из ветвей:
«Жираф большой — ему видней!»

ПОЧЕМУ АБОРИГЕНЫ СЪЕЛИ КУКА




H7
Em
Там в кружок у_ сев_шись под а_ за_ ли_ и,
F#7sus
F#7
Hm
по́_е_дом, с вос_хо_да до за_ри е_ли в э_ той
Em6
Hm/F#
F#7
солнеч_ной Авст_ра_ ли_ и дру_га друж_ку злы_е ди_ка_
Hm
A7
D
A9sus
_ри. Но по_че_ му а_бо_ри_ ге_ны съе_ли Ку_ка?
A7
D
За что-не_ яс_ но, молчит на_ у_ка. Мне представ_



Не хватайтесь за чужие талии,
Вырвавшись из рук своих подруг.
Вспомните, как к берегам Австралии
Подплывал покойный ныне Кук.

Там в кружок усевшись под азалии,
По́едом, с восхода до зари
Ели в этой солнечной Австралии
Друга дружку злые дикари.

Но почему аборигены съели Кука?
За что — неясно, молчит наука.
Мне представляется совсем простая штука:
Хотели кушать — и съели Кука.

Есть вариант, что ихний вождь — большая бука —
Кричал, что очень вкусный кок на судне Кука.
Ошибка вышла — вот о чем молчит наука —
Хотели кока, а съели Кука.

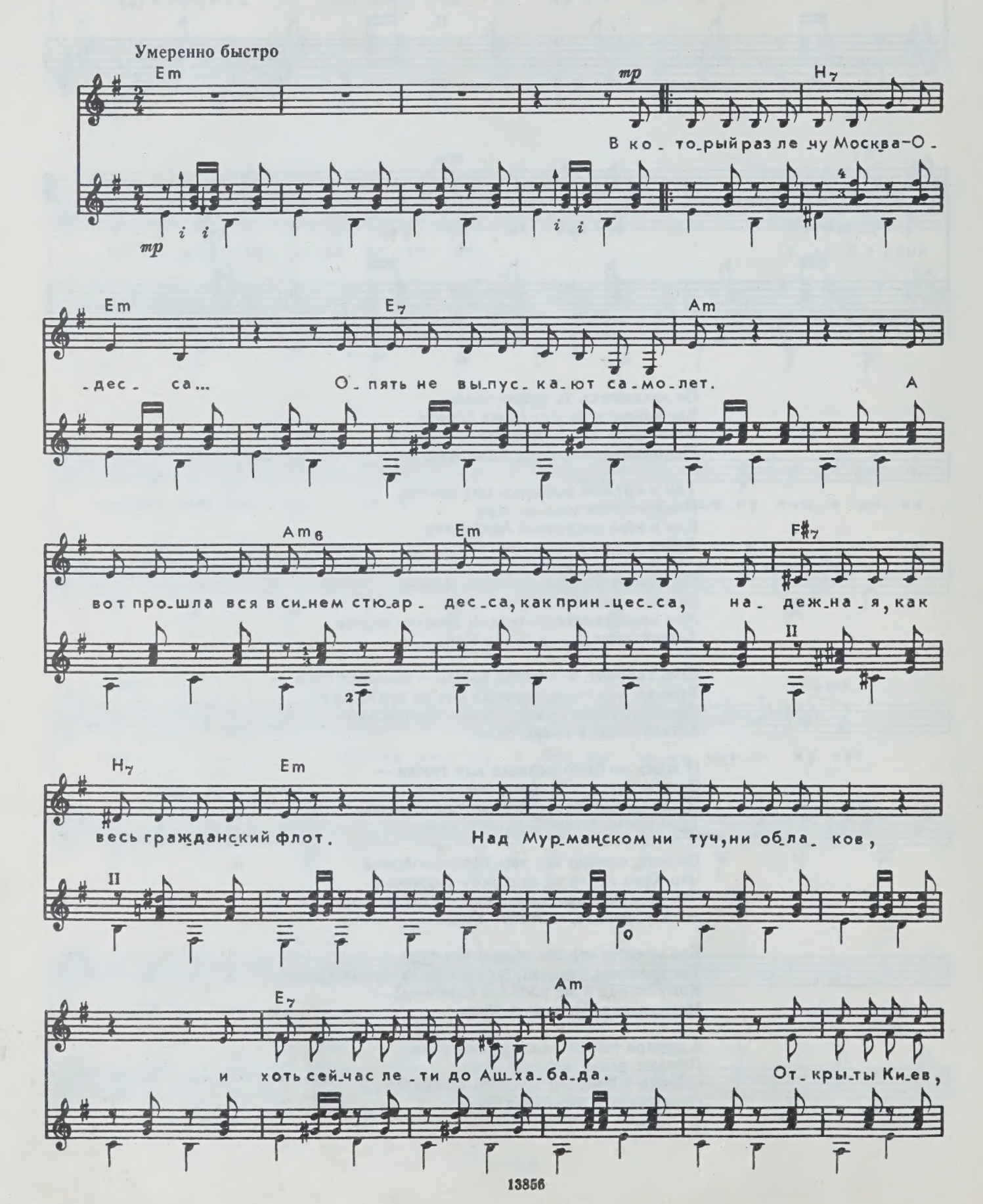
И вовсе не было подвоха или трюка —
Вошли без стука, почти без звука,
Пустили в действие дубинку из бамбука,
Тюк! прямо в темя — и нету Кука.

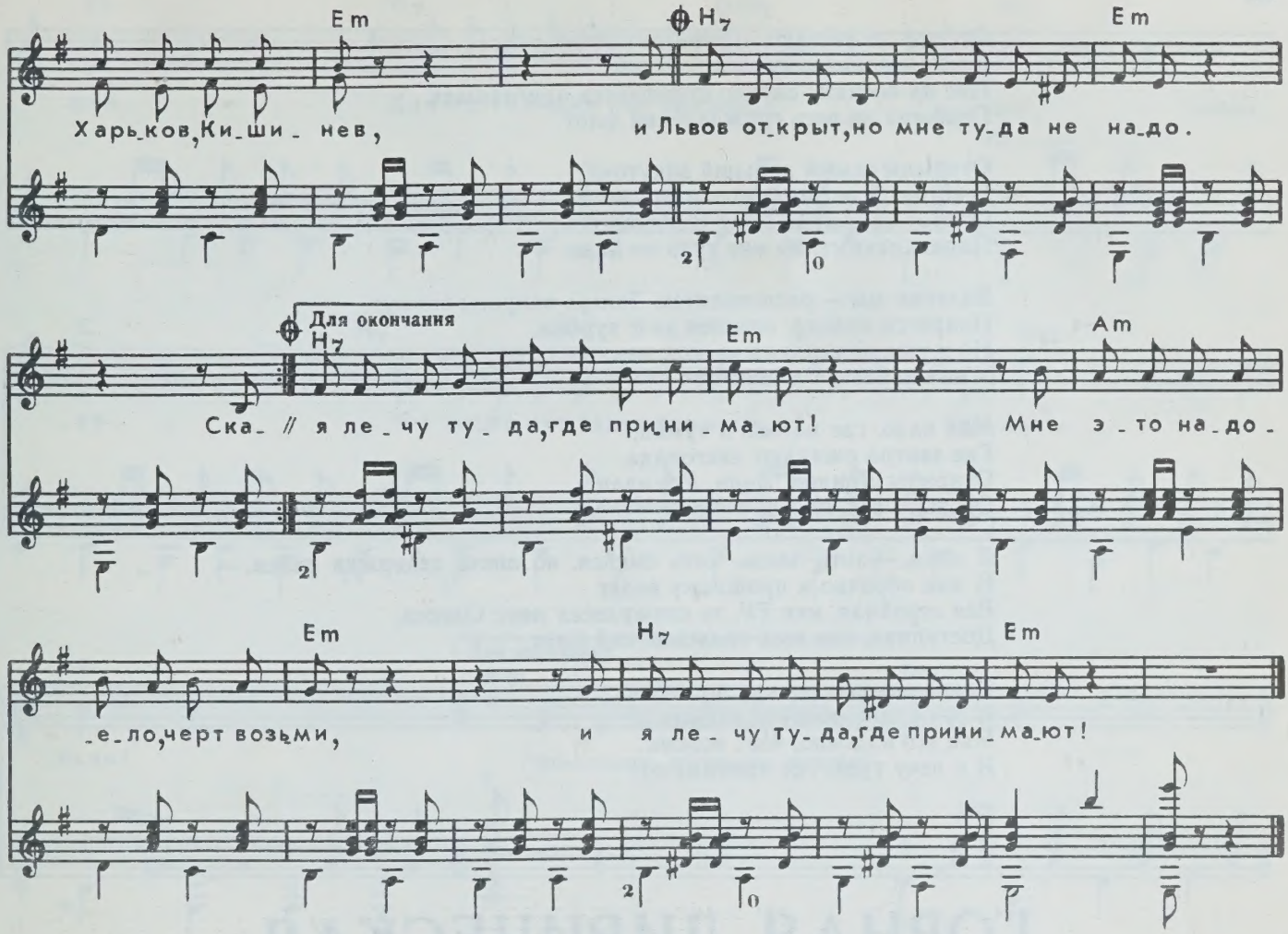
Но есть, однако же, еще предположенье,
Что Кука съели из большого уваженья,
Что всех науськивал колдун — хитрец и злюка:
— Ату, ребята, хватайте Кука!

Кто уплетет его без соли и без лука,
Тот сильным, смелым, добрым будет вроде Кука.
Кому-то по́д руку попался каменюка, —
Метнул, гадюка, и нету Кука.

А дикари теперь заламывают руки,
Ломают копья, ломают луки,
Сожгли и бросили дубинки из бамбука, —
Переживают, что съели Кука.

МОСКВА–ОДЕССА





В который раз лечу Москва—Одесса...
Опять не выпускают самолет.
А вот прошла вся в синем стюардесса, как принцесса,
Надежная, как весь гражданский флот.

Над Мурманском ни туч, ни облаков,
И хоть сейчас лети до Ашхабада.
Открыты Киев, Харьков, Кишинев,
И Львов открыт, но мне туда не надо.

Сказали мне: «Сегодня не надейся,
Не стоит уповать на небеса».
И вот опять дают задержку рейса на Одессу,
Теперь — обледенела полоса.

А в Ленинграде с крыши потекло,
И что мне не лететь до Ленинграда?
В Тбилиси — там всё ясно, там тепло,
Там чай растет, но мне туда не надо.

Я слышу — ростовчане вылетают,
А мне в Одессу надо позарез,
Но надо мне туда, куда меня не принимают,
И потому откладывают рейс.

Мне надо, где сугробы намело,
Где завтра ожидают снегопада,
А где-нибудь всё ясно и светло,
Там хорошо, но мне туда не надо.

Отсюда не пускают, а туда не принимают, —
Несправедливо, муторно, но вот
Нас на посадку скучно стюардесса приглашает,
Похожая на весь гражданский флот.

Открыли самый дальний закуток,
В который не заманят и награды.
Открыт закрытый порт Владивосток,
Париж открыт, но мне туда не надо.

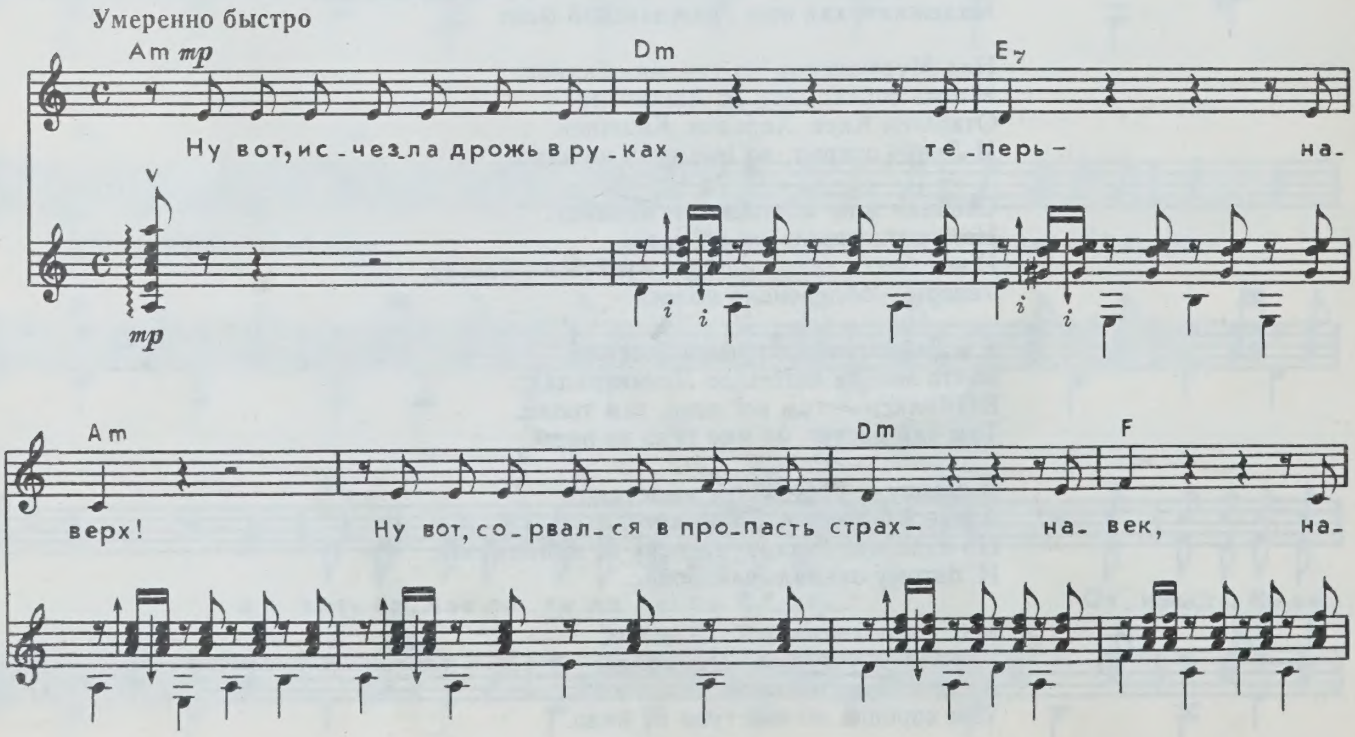
Взлетим мы — распогодится. Теперь запреты снимут.
Напрягся лайнер, слышен визг турбин.
Но я уже не верю ни во что, меня не примут, —
У них найдется множество причин.

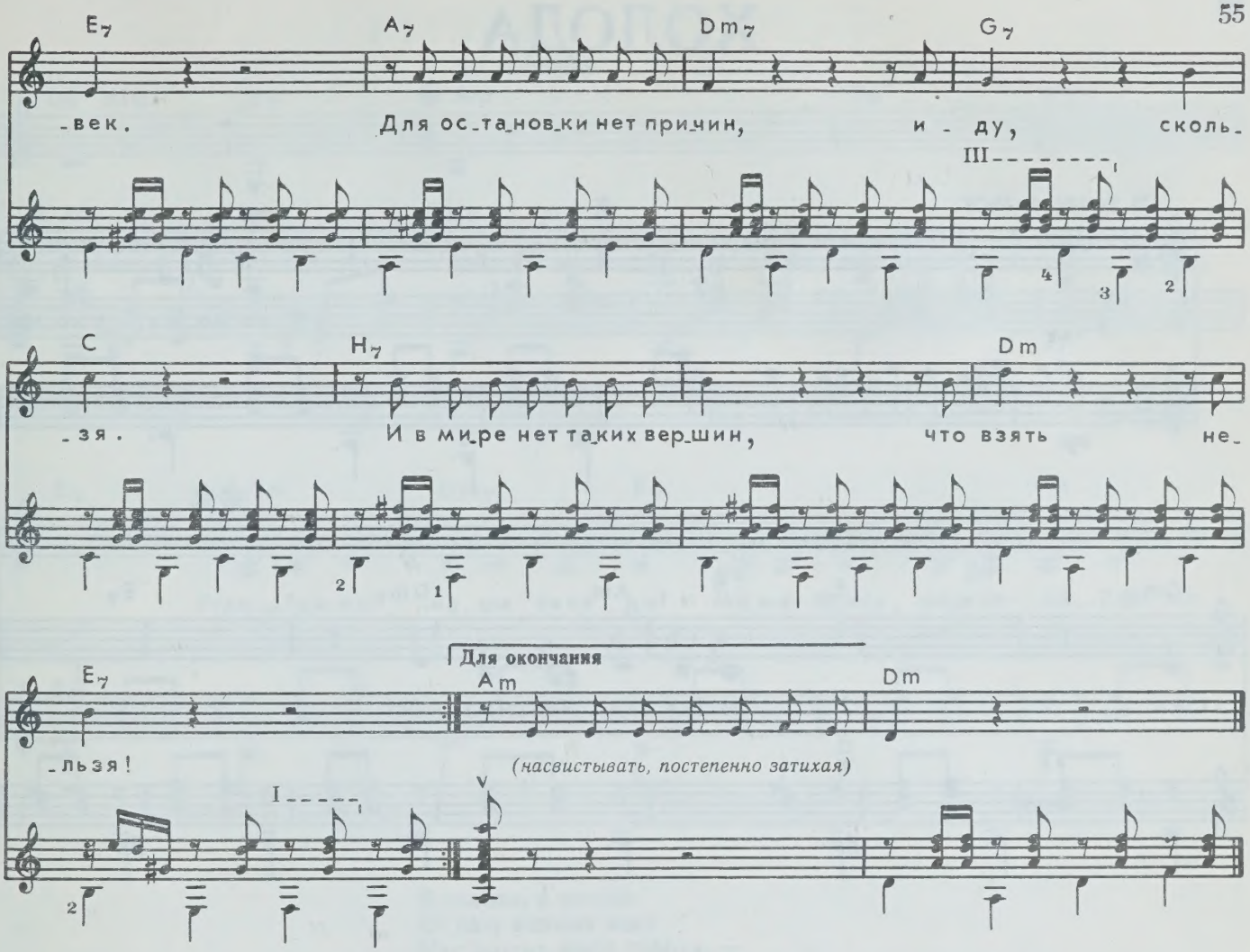
Мне надо, где метели и туман,
Где завтра ожидают снегопада.
Открыты Лондон, Дели, Магадан,
Открыто всё, но мне туда не надо.

Я прав, — хоть плачь, хоть смейся, но опять задержка рейса, —
И нас обратно к прошлому ведет
Вся стройная, как ТУ, та стюардесса мисс Одесса,
Доступная, как весь гражданский флот.

Опять дают задержку до восьми,
И граждане покорно засыпают.
Мне это надоело, черт возьми,
И я лечу туда, где принимают!

ГОРНАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ





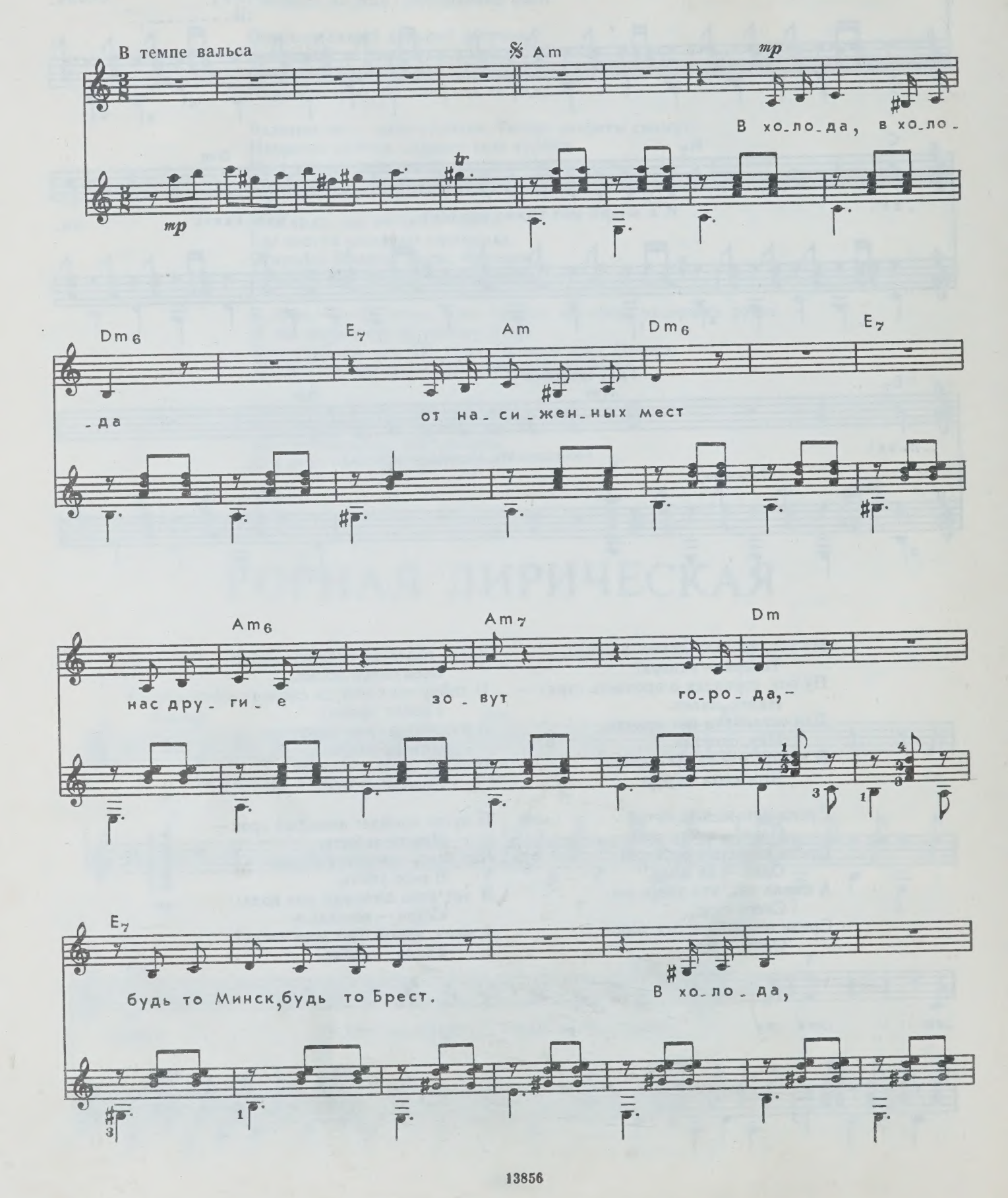
Ну вот, исчезла дрожь в руках,
Теперь — наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх —
Навек, навек.
Для остановки нет причин,
Иду, скользя.
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя.

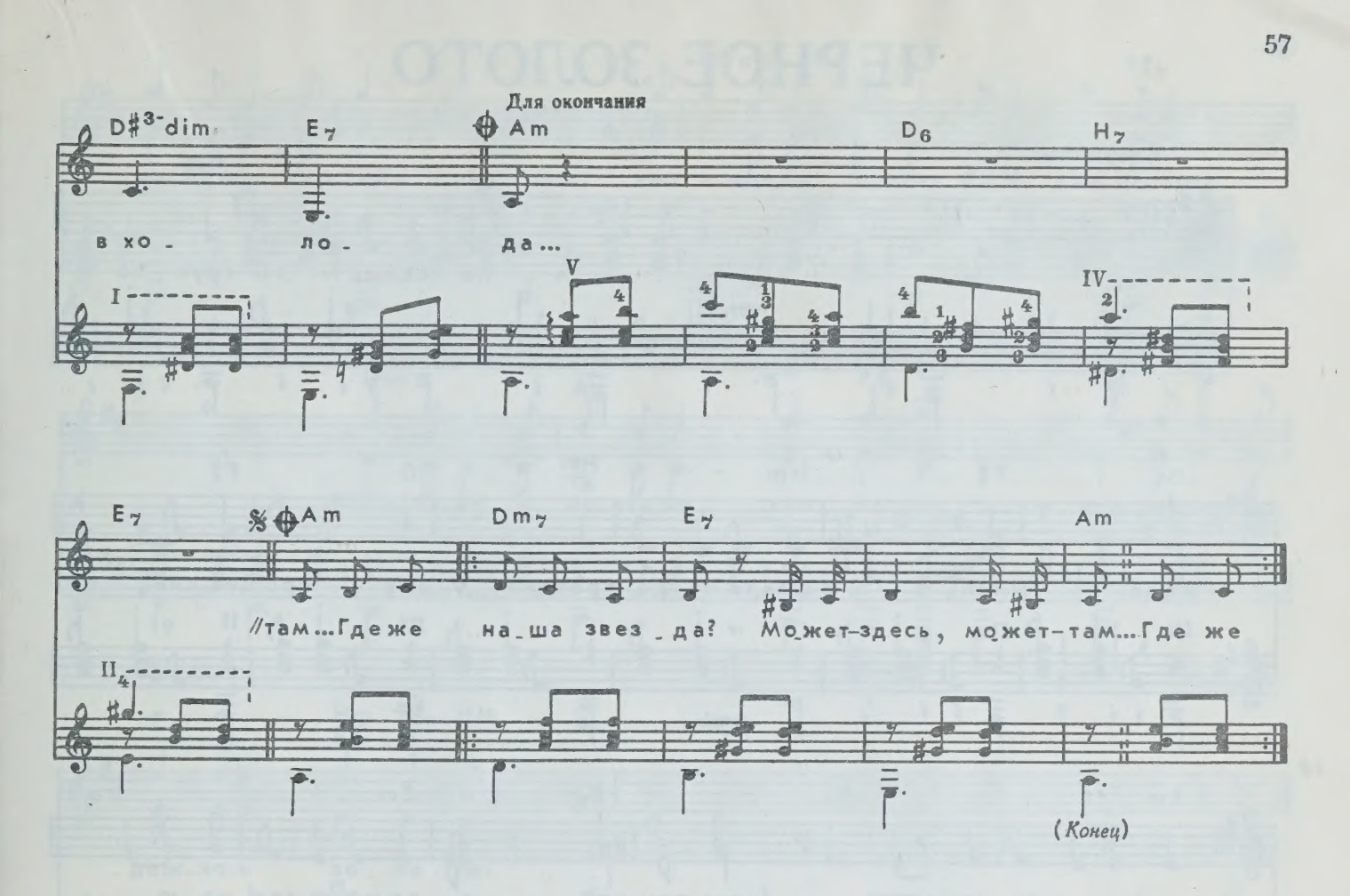
Среди нехоженых путей
Один — пусть мой.
Среди невзятых рубежей
Один — за мной.
А имена тех, кто здесь лег,
Снега таят.
Среди непройденных дорог
Одна — моя.

Здесь голубым сияньем льдов
Весь склон облит,
И тайну чьих-нибудь следов
Гранит хранит.
А я гляжу в свою мечту —
Поверх голов,
И свято верю в чистоту
Снегов и слов.

И пусть пройдет немалый срок —
Мне не забыть,
Что здесь сомнения я смог
В себе убить.
В тот день шептала мне вода:
«Удач — всегда!..»
А день, какой был день тогда?
Ах, да — среда.

ХОЛОДА


В темпе вальса
Am
mp
В хо_ло_да, в хо_ло_
Dm6
E7
Am
Dm6
E7
_да
от на_си_жен_ных мест
Am6
Am7
Dm
нас дру_ги_е
зо_вут
го_ро_да,–
E7
будь то Минск, будь то Брест.
В хо_ло_да,



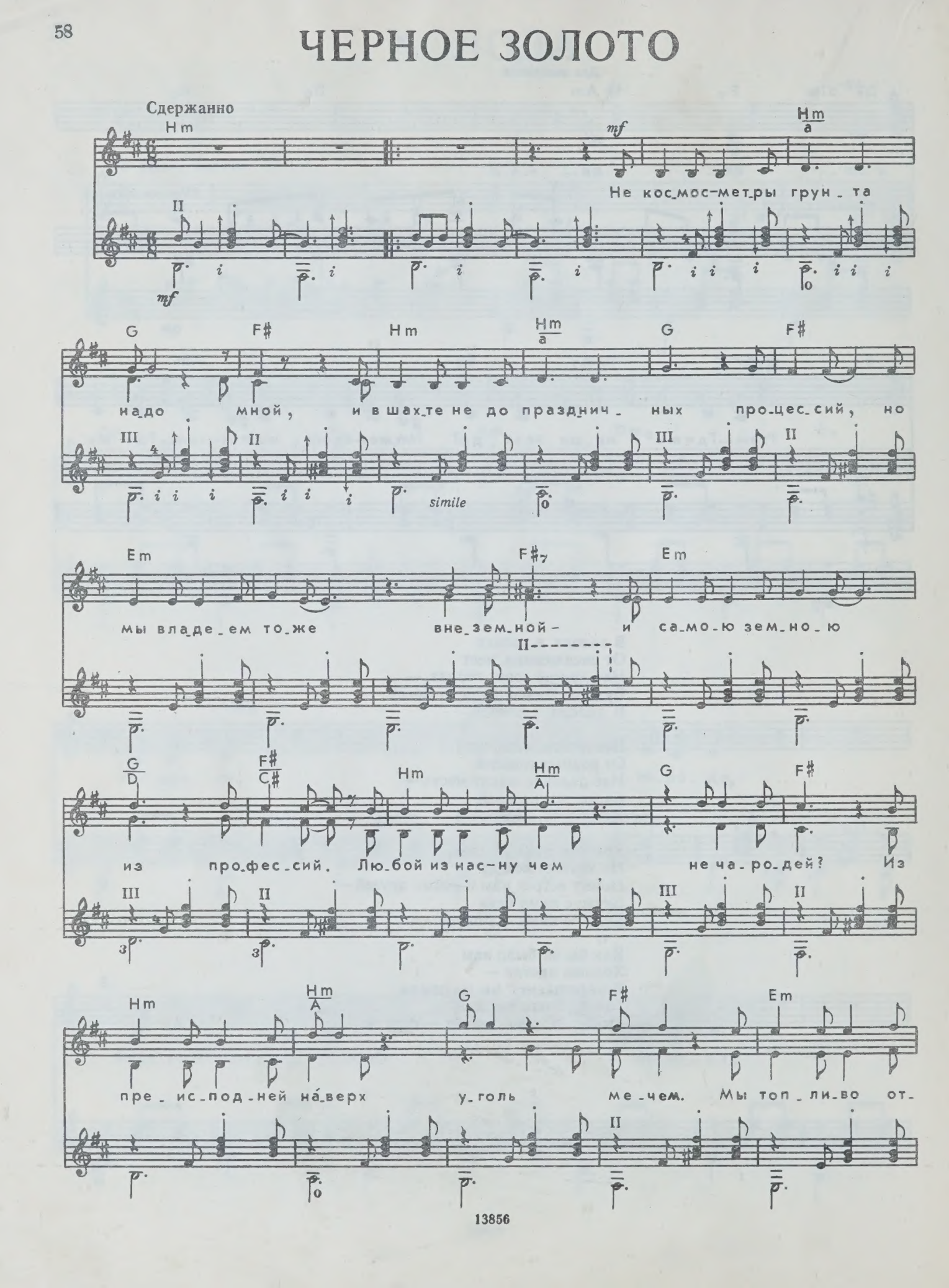
В холода, в холода
От насиженных мест
Нас другие зовут города, —
Будь то Минск, будь то Брест.
В холода, в холода...

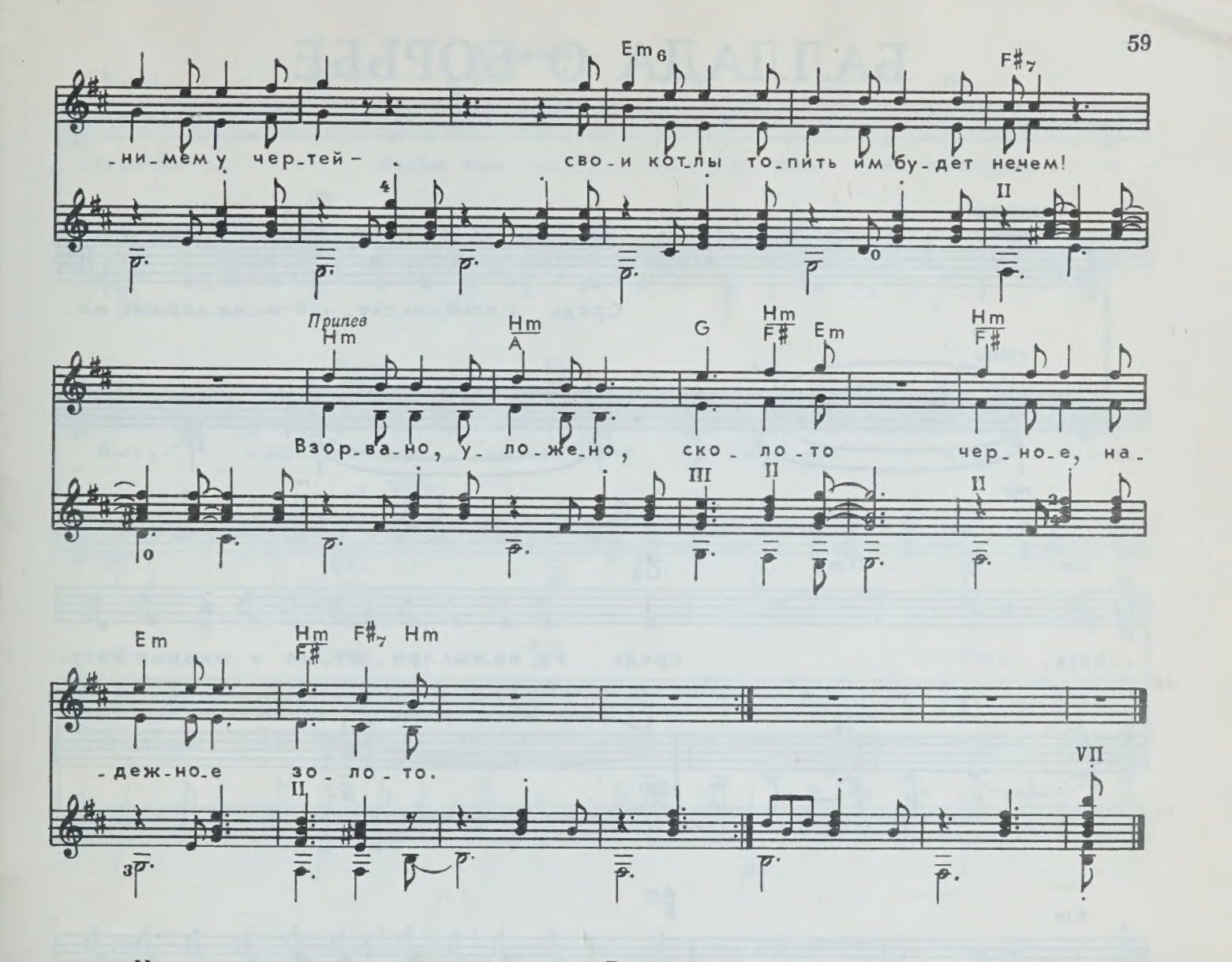
Неспроста, неспроста
От родных тополей
Нас далекие манят места —
Будто там веселей.
Неспроста, неспроста...

Как нас дома ни грей,
Не хватает всегда
Новых встреч нам и новых друзей —
Будто с нами беда.
Будто с ними — теплей...

Как бы ни было нам
Хорошо иногда —
Возвращаемся мы по домам.
Где же наша звезда?
Может — здесь, может — там...

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО





Не космос — метры грунта надо мной,
И в шахте не до праздничных процессий,
Но мы владеем тоже внеземной —
И самою земною из профессий.

Любой из нас — ну чем не чародей?
Из преисподней на́верх уголь мечем.
Мы топливо отнимем у чертей —
Свои котлы топить им будет нечем!
Припев: Взорвано,
уложено,
сколото
Черное,
надежное
золото.

Да, сами мы, как дьяволы, в пыли,
Зато наш поезд не уйдет порожний.
Терзаем чрево матушки-Земли,
Но на земле теплее и надежней.

Вот вагонетки, душу веселя,
Проносятся, как в фильме о погонях,
И шуточку «Даёшь стране угля!»
Мы чувствуем на собственных ладонях.
Припев

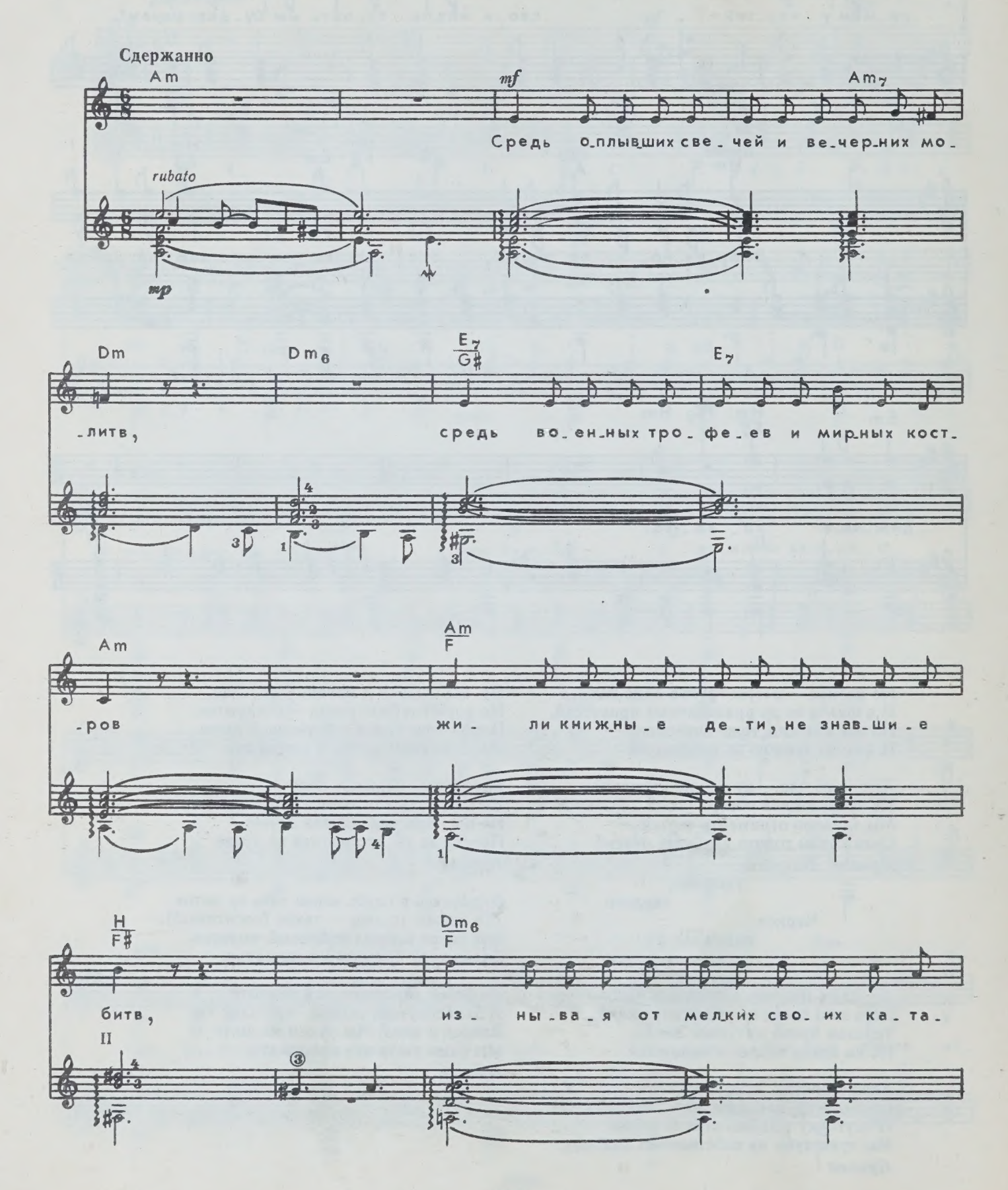
Да, мы бываем в крупном барыше,
Но роем глубже: голод — ненасытен.
Порой копаться в собственной душе
Мы забываем, роясь в антраците.

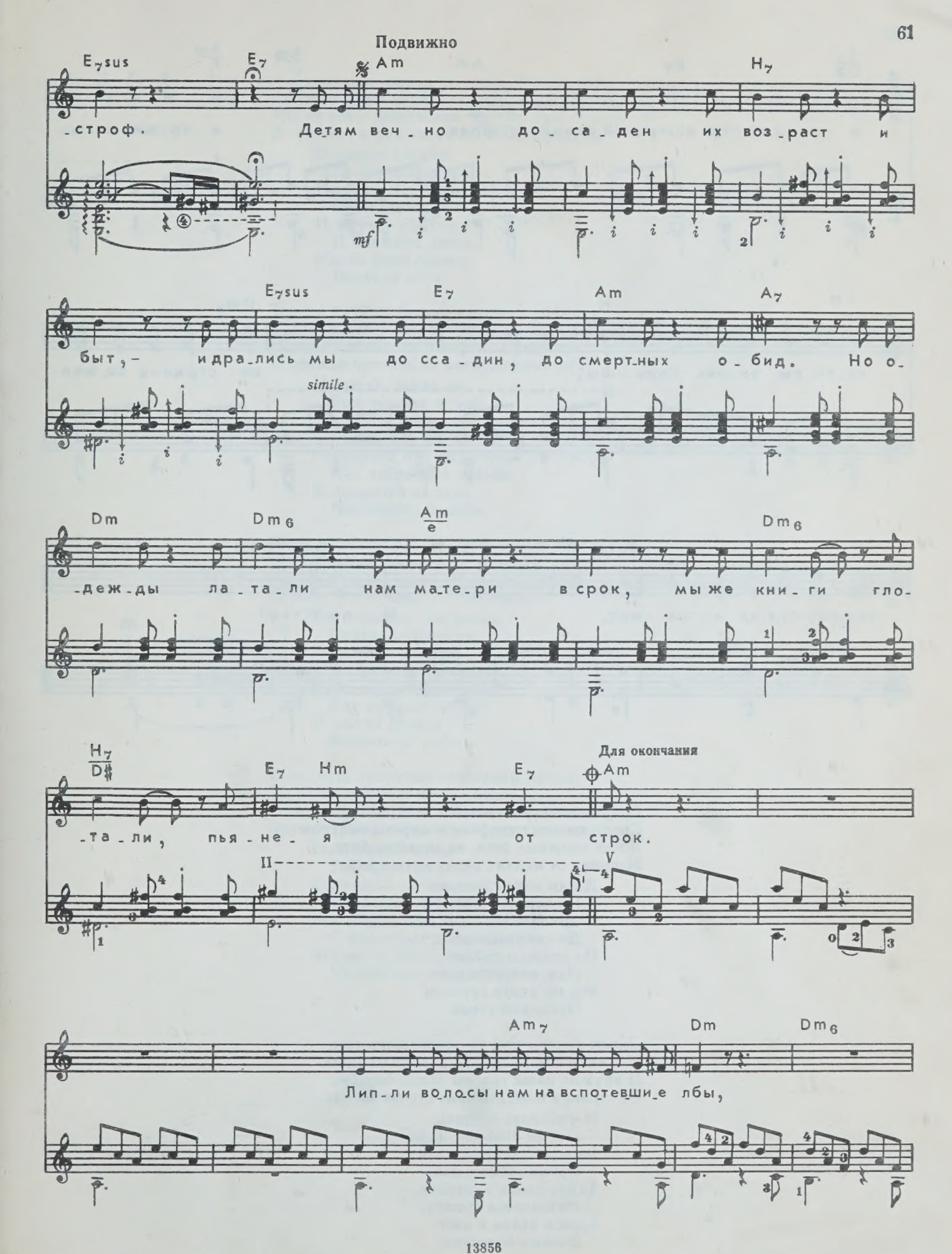
Воронками изрытые поля
Не позабудь и оглянись во гневе,
Но нас, благословенная Земля,
Прости за то, что роемся во чреве.
Припев

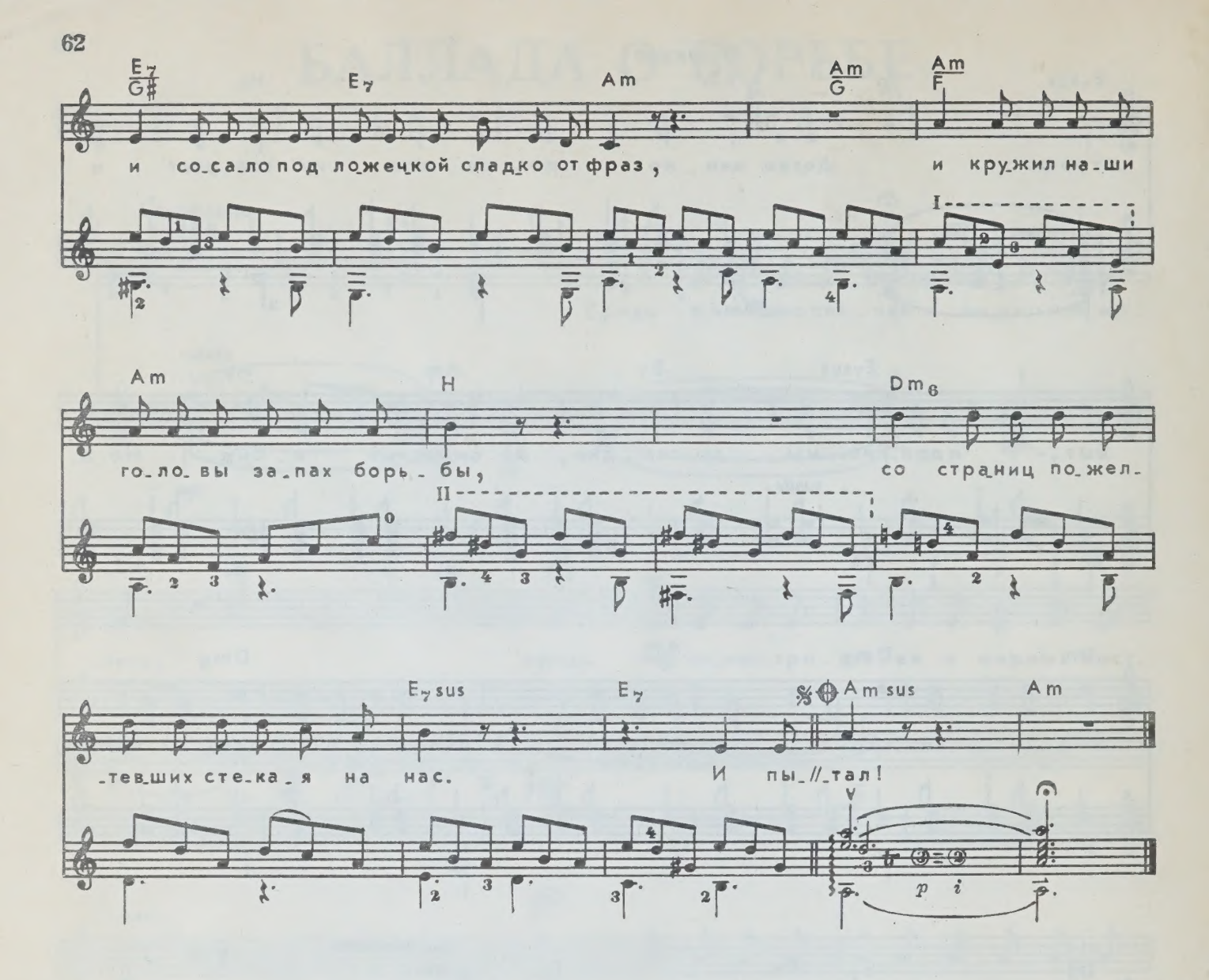
Вгрызаясь в глубь веков хоть на виток
(То взрыв, то лязг — такое безгитарье!), —
Вот череп вскрыл отбойный молоток,
Задев кору большого полушарья.

Не бойся заблудиться в темноте
И захлебнуться пылью — не один ты.
Вперед и вниз! Мы будем на щите —
Мы сами рыли эти лабиринты.
Припев

БАЛЛАДА О БОРЬБЕ




Подвижно
E7sus
E7
Am
H7
-строф. Детям веч-но до-са-ден их воз-раст и
mf
E7sus
E7
Am
A7
быт, - и дра-лись мы до сса-дин, до смерт-ных о-бид. Но о-
simile.
Dm
Dm6
Am/e
Dm6
-деж-ды ла-та-ли нам ма-те-ри в срок, мы же кни-ги гло-
H7/D#
E7
Hm
E7
Для окончания
Am
-та-ли, пья-не-я от строк.
II
V
Am7
Dm
Dm6
Лип-ли во-лосы нам на вспо-тевши-е лбы,



Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от мелких своих катастроф.

Детям вечно досаден
Их возраст и быт, —
И дрались мы до ссадин,
До смертных обид.
Но одежды латали
Нам матери в срок,
Мы же книги глотали,
Пьянея от строк.

Липли волосы нам на вспотевшие лбы,
И сосало под ложечкой сладко от фраз,
И кружил наши головы запах борьбы,
Со страниц пожелтевших стекая на нас.

И пытались постичь
Мы, не знавшие войн,
За воинственный клич
Принимавшие вой,
Тайну слова «приказ»,
Назначенье границ,
Смысл атаки и лязг
Боевых колесниц.

А в кипящих котлах прежних боен и смут
Столько пищи для маленьких наших мозгов!
Мы на роли предателей, трусов, иуд
В детских играх своих назначали врагов.

И злодея следам
Не давали остыть,
И прекраснейших дам
Обещали любить,
И, друзей успокоив
И ближних любя,
Мы на роли героев
Вводили себя.

Только в грёзы нельзя насовсем убежать:
Краткий миг у забав — столько боли вокруг!
Попытайся ладони у мертвых разжать
И оружье принять из натруженных рук.

Испытай, завладев
Еще теплым мечом
И доспехи надев,
Что почем, что почем!
Разберись, кто ты — трус
Иль избранник судьбы,
И попробуй на вкус
Настоящей борьбы.

И когда рядом рухнет израненный друг,
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И когда ты без кожи останешься вдруг
Оттого, что убили его — не тебя, —

Ты поймешь, что узнал,
Отличил, отыскал
По оскалу забрал:
Это — смерти оскал!
Ложь и зло — погляди,
Как их лица грубы!
И всегда позади —
Воронье и гробы.

Если, путь прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал, что почем, —
Значит нужные книги ты в детстве читал!

Если мяса с ножа
Ты не ел ни куска,
Если руки сложа
Наблюдал свысока,
И в борьбу не вступил
С подлецом, с палачом, —
Значит, в жизни ты был
Ни при чем, ни при чем!

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ. Музыка и слова В. Высоцкого 5
2. БРАТСКИЕ МОГИЛЫ 8
3. О ПОГИБШЕМ ДРУГЕ 9
4. ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ 14
5. ТАК СЛУЧИЛОСЬ — МУЖЧИНЫ УШЛИ 17
6. МЫ ВРАЩАЕМ ЗЕМЛЮ 20
7. О НОВОМ ВРЕМЕНИ 22
8. ПЕСНЯ О ДРУГЕ 24
9. ВЕРШИНА 26
10. КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ 28
11. БАЛЛАДА О ВОЛЬНЫХ СТРЕЛКАХ 32
12. ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР 34
13. ПРОЩАНИЕ 37
14. РЫЦАРСКИЙ ТУРНИР 39
15. ОНА БЫЛА В ПАРИЖЕ 40
16. НА НЕЙТРАЛЬНОЙ ПОЛОСЕ 42
17. ПЕСНЯ ПРО НЕЧИСТЬ 45
18. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В АФРИКЕ 47
19. ПОЧЕМУ АБОРИГЕНЫ СЪЕЛИ КУКА 49
20. МОСКВА — ОДЕССА 52
21. ГОРНАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ (КАКОЙ БЫЛ ДЕНЬ?) 54
22. ХОЛОДА 56
23. ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО 58
24. БАЛЛАДА О БОРЬБЕ 60

Обработки инструментального сопровождения:
№ 1, 2, 4, 11, 24;
Переложения: № 3, 5 — 10, 12 — 23 —
выполнил АЛЕКСАНДР КОЛМАНОВСКИЙ

Нотное издание

ПОЕТ ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

Песни для голоса
в сопровождении гитары

Составитель Рыжиков Владимир Дмитриевич

Редактор *С. Данилов.* Лит. редактор *Л. Рыжова*
Художник *С. Мельников.* Худож. редактор *Е. Волков*
Техн. редактор *Т. Лапшина.* Корректор *Е. Збираник*

Н/К

Подписано в набор 1.04.87. Подписано в печать 17.11.87. Формат 60×90¹/₈. Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Объем печ. л. 8,0. Усл. п. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 8,5. Уч.-изд. л. 7,81. Тираж 100 000 экз. 2-ой завод (50001—100000 экз.). Изд. № 13856. Зак. 310. Цена 2 р.

Издательство «Музыка», 103031, Москва, Неглинная, 14.

Московская типография № 6 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24

2 р.

МОСКВА «МУЗЫКА» 1987

LIBRARY
JUN
30
1988
UNIVERSITY OF TORONTO